

Uniwersytet Warszawski
Wydział Neofilologii
Katedra Lingwistyki Formalnej

**Posiedzenie Komisji Budowy Gramatycznej
Języków Słowiańskich
przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów**

**Заседание Комиссии по изучению
грамматической структуры славянских языков
Международного комитета славистов**

Warszawa, 18–20 września 2019 r.

Uniwersytet Warszawski
Wydział Neofilologii
Katedra Lingwistyki Formalnej

**Posiedzenie Komisji Budowy Gramatycznej
Języków Słowiańskich
przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów**

**Заседание Комиссии по изучению
грамматической структуры славянских языков
Международного комитета славистов**

Warszawa, 18–20 września 2019 r.

Miejsce posiedzenia:

Budynek Wydziałów Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej UW
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa
sala 1.012

Strona Komisji: <http://www.slu.cas.cz/6-kgssj.html>

ISBN: 978-83-950682-0-1

Program

Abstrakty

Program konferencji

18 WRZEŚNIA 2019

8:30 – 9.00 Rejestracja / Регистрация
9.00 – 9.10 Otwarcie posiedzenia / Открытие заседания
Maciej Grochowski

Prowadzący / Председатель секции Hannu Tammola

- 9.10 – 9.40 J. Panevová: Poznámky k třídění příslovečných určení (s. 45)
9.40 – 10.10 A. Bogusławski: On the status of „attesting adverbials” (s. 22–23)
in bipolar questions
10.10 – 10.40 Л.Л. Иомдин: Некоторые адвербиальные микрокон- (s. 30)
струкции в русском языке: валентная структура
и семантика
10.40 – 11.00 Przerwa na kawę / кофе, чай

Prowadzący / Председатель секции Людмила Поповић

- 11.00 – 11.30 A. Barentsen, В.С. Храковский: О вторичных значениях (s. 9–15)
таксисных союзов в славянских языках
11.30 – 12.00 D. Weiss: Особенности относительных придаточных (s. 61)
предложений в современной русской разговорной речи:
отклонения от нормы или самостоятельные конструкции?
12.00 – 12.30 С.С. Сай: Именные причинные конструкции в (s. 54–56)
славянских языках: пилотное корпусное исследование
12.30 – 13.00 A. Žele: Неглагольная сочетаемость в словенском языке (s. 68–70)
13.00 – 14.30 Przerwa na obiad / Перерыв на обед

Prowadzący / Председатель секции Tilman Berger

- 14.30 – 15.00 P. Ницолова: Будущее время – отношение между (s. 37–40)
темпоральностью и модальностью
15.00 – 15.30 J.I. Bjørnflaten: Bulgarian dialects as a laboratory for Slavic (s. 20–21)
historical linguistics: Banat-Bulgarian and the transforma-
tion of the past tenses in non-standard Bulgarian

15.30 – 16.00 **H. Schaller:** Проницаемость языковых систем – на примере болгарского языка и его диалектов (s. 57)

16.00 – 16.20 Przerwa na kawę / кофе, чай

Prowadzący / Председатель секции Karolína Skwarska

16.20 – 16.50 **L. Kralčák:** Unifikačné tendencie zámených tvarov (s. 35–36)
v štandardnej variete súčasnej slovenčiny

16.50 – 17.20 **A. Загнітко:** Внутрішньо- і зовнішньовідмінковий (s. 65–67)
статус вокатива: типологія виявів

17.20 – 17.50 **Ю.П. Князев:** Аналитические компаративные (s. 31–34)
конструкции со словами *более* и *менее* в русском языке

18.30 Kolacja / Ужин

19 WRZEŚNIA 2019

Prowadzący / Председатель секции Борис Ю. Норман

9.00 – 9.30 **H. Tommola:** *Ostaty się s nosem i bez nosa* (s. 59–60)
– размышления по поводу автоантонимов

9.30 – 10.00 **И.М. Богуславский:** Семантический сдвиг и его (s. 24)
интонационная маркировка

10.00 – 10.30 **M. Grochowski:** O niezbadanej funkcji składniowej słowa (s. 27–29)
co w języku polskim

10.30 – 10.50 Przerwa na kawę / кофе, чай

Prowadzący / Председатель секции Daniel Weiss

10.50 – 11.20 **Људмила Поповић:** О контрфактивном (s. 46–48)
плюсквамперфекту и императиву у словенским језицима

11.20 – 11.50 **T. Berger:** „Абсентив” в северных и в западных (s. 18–19)
славянских языках

11.50 – 12.20 **B. Wiemer:** Propozycja karty semantycznej struktur (s. 62–64)
aprehensywnych

12.20 – 14.00 Przerwa na obiad / Перерыв на обед

Prowadzący / Председатель секции Adriaan Barentsen

- 14.00 – 14.30 **M. Nomachi, Y. Gorbachov:** Existential clauses in Kashubian: a historical and typological analysis (s. 41–42)
- 14.30 – 15.00 **R. Benacchio:** Значения и функции суффикса *-ну-* в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским) (s. 16–17)
- 15.00 – 15.30 **T. Reuther:** Глаголы с префиксом *za-*: можно ли выделить семантику префикса? (s. 49–53)
- 15.30 – 15.50 Przerwa na kawę / кофе, чай

Prowadzący / Председатель секции Jarmila Panevová

- 15.50 – 16.20 **Б.Ю. Норман:** К типологии хиазма в славянских языках (s. 43–44)
- 16.20 – 16.50 **K. Skwarska:** Adjektiva hněvu v češtině, ruštině a polštině (s. 58)
- 16.50 – 17.20 **M. Danielewiczowa:** Тематический аспект высказывания и его показатели в польском языке (s. 25–26)
- 17.20 – 17.30 Przerwa na kawę / кофе, чай
- 17.30 – 18.00 Robocze zebranie członków Komisji / Рабочее совещание членов Комиссии

20 WRZEŚNIA 2019

Wycieczka (Łowicz–Nieborów–Arkadia) / Экскурсия (Лович–Неборов–Аркадия)

- 8.00 Wyjazd spod hotelu „Sokrates”
- 8.30 Wyjazd spod budynku przy ul. Dobrej 55

О вторичных значениях таксисных союзов в славянских языках

ADRIAAN BARENTSEN
Universiteit van Amsterdam
a.a.barentsen@uva.nl

ВИКТОР САМУИЛОВИЧ ХРАКОВСКИЙ
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
khrakovv@gmail.com

В славянских языках, как и в других языках мира, значения функционально-семантической категории таксиса, а именно предшествование, одновременность и следование, реализуются с помощью различных формальных средств. Это, в частности, бипредикативные сложноподчиненные временные предложения, предложения с деепричастными и причастными оборотами, а также предложения с отглагольными именами действия, более подробно см. [Храковский 2009]. Ведущим средством выражения таксисных значений в славянских языках являются сложноподчиненные временные предложения (СПП). В этих предложениях глагол в придаточной части (ПЧ) обозначает ситуацию, которая либо предшествует, либо одновременна, либо следует за ситуацией, выражаемой глаголом в главной части (ГЧ) предложения. ПЧ таких предложений вводится одним из союзов, которые бывают неспециализированные и специализированные.

К числу неспециализированных союзов относится, например, русский союз *когда* и аналогичные союзы в других славянских языках. Подобные союзы могут маркировать разные таксисные значения в совокупности с различными комбинациями видовременных глагольных форм в ПЧ и ГЧ предложения. Специализированным союзом является, например, русский союз *как только* и аналогичные союзы в других славянских языках. Подобные союзы маркируют либо одно, либо (редко) два таксисных значения, но не все три. Союз *как только*, например, маркирует то, что ситуация, обозначаемая глаголом в ПЧ предложения, непосредственно предшествует ситуации, обозначаемой глаголом в ГЧ предложения. Например:

(1) *Как только я вошел в вагон, поезд тронулся.*

Обратим внимание на то, что временные СПП входят в группу сложно-подчиненных предложений, в которых союзы вводят ПЧ, выполняющую роль сирконстанта ГЧ. Соответственно такие предложения называют также обстоятельственными или адвербиальными. В эту группу наряду с временными обычно включаются, причинные, целевые, условные, уступительные предложения. В свою очередь временные предложения противопоставляются всем остальным, которым приписывается значение логической обусловленности или просто обусловленности, см. например [Князев 2007, Евтюхин 1996]¹.

Есть основания полагать, что в приведенной последовательности предложений каждый следующий элемент на определенный смысл сложнее предшествующего элемента и (в какой-то мере) наследует смысл предшествующего элемента/предшествующих элементов. При этом степень их семантической сложности коррелирует с последовательностью их появления в речи ребенка ср. [Givón 1990]. Соответственно временные, точнее таксисные СПП с семантической точки зрения проще всех остальных сирконстантных предложений, и при этом их семантика, как было установлено в работе [Храковский 2009] в том или ином варианте представлена во всех остальных сирконстантных СПП. Кроме того, мы учитываем и то, что именно временные СПП, очевидно, первыми из перечисленных СПП начинают регулярно появляться в речи ребенка, овладевающего речью [Сударева 2007: 96], а остальные начинают появляться в речи ребенка позже в указанной выше последовательности.

На справедливость высказанного предположения указывает и тот факт, что союзы, используемые во временных СПП, обладают потенциальной способностью получать вторичные причинные и условные значения и соответственно употребляться в причинных и условных СПП. При этом важно подчеркнуть, что указанная потенциальная способность неодинаковым образом реализуется в различных славянских языках. Наиболее заметно она реализуется в славянских языках южного ареала. Для иллюстрации этого явления мы приведем соответствующие примеры из сербского, македонского и болгарского языков².

Основным неспециализированным временным (таксисным) союзом в сербском языке является союз *када* 'когда', который преимущественно используется для обозначения значения предшествования в плане прошлого с формами перфекта СВ в ПЧ и в ГЧ:

¹ Для обозначения СПП логической обусловленности используется также термин 'импликативная конструкция', см. [Подлеская 1995].

² Большинство примеров взято из сборника *Таксис в славянских языках*, который мы в настоящее время редактируем.

- (2) **Када** се час завршио:*PRF.PFV* деца су кренула:*PRF.PFV* кући.
'Когда урок закончился, дети пошли домой.'

Регуларним јавља се такође сочетание аориста СВ в ГЧ с плюсквамперфектом СВ в ПЧ:

- (3) *Пробудих се:AOR.PFV* тек **кад** се бјеше објутрило:*PQP.PFV*.
'Проснулся я только, когда уже рассвело.'

Вместе с тем этот же союз, но в совокупности с глагольными формами кондиционала СВ и НСВ в ПЧ и ГЧ активно используется для обозначения контрфактического условия или потенциального условия (со сниженной вероятностью осуществления условия):

- (4) **Када** би потоци умели:*COND.IPFV* да воле као ја већ би постали:*COND.PFV* океани.
'Когда б ручьи могли любить, как я, они давно бы превратились в океаны.'

- (5) **Kada** *bi se sistematski pretresli:COND.PFV* islamski i hebrejski izvori o hazarskoj polemici, sigurno *bi se našlo:COND.PFV* u tim izvorima nešto odjeka Ćirilovih *Hazarskih beseda*.

'Если (бы) систематически пересмотреть исламские и еврейские источники о хазарской полемике, наверняка в этих источниках нашелся бы какой-нибудь след «Хазарских проповедей» Кирилла.'

У сравнимого македонского неспециализированного союза *кога* набљудается подобное расширение области его употребления. См. следующие примеры из перевода романа *Мастер и Маргарита* Булгакова:

- (6) [...] што би правело:*COND.IPFV* твоето добро **кога** не би постоело:*COND.IPFV* злото?

'[...] что бы делало твое добро, если бы не существовало зла?'

- (7) – Мислам, – се одзва Пилат, – дека ти не би му донел:*COND.PFV* многу радост на легатот на легионот **кога** би ти текнало:*COND.PFV* да разговараш со некој од неговите офицери или војници.

'– Я полагаю, – отозвался Пилат, – что мало радости ты доставил бы легату легиона, если бы вздумал разговаривать с кем-нибудь из его офицеров или солдат.'

Сербский союз *пошто* 'после того как' очень частотный специализированный временной (таксисный) союз предшествования. В ПЧ с этим союзом чаще всего употребляется глагол СВ перфекта или аориста. для обозначения предшествования в плане прошлого.

- (8) **Пошто** се вратио:*PRF.PFV*, вечерао је:*PRF.IPFV*.
'После того как он вернулся, он (по)ужинал.'

Наряду со значением предшествования у этого союза есть и вторичное, причинное значение, которое маркируется двумя способами. Первый, более

редкий способ заключается в том, что в исходное предложение, в котором выражается значение предшествования, вводятся лексические показатели, которые обеспечивают дополнительное причинное прочтение на основе «знания мира»:

(9) **Пошто** се касно:LEX.MARC *вратио:PRF.PFV*, *вечерао је:PRF.IPFV* сам:LEX.MARC.

‘Так как он вернулся поздно, то ужинал один.’

Второй, наиболее распространенный, способ заключается в том, что сочетание видовременных форм в предложении исключает значение предшествования, указывая на таксисное значение одновременности или следования:

(10) У осталом, она *је* једина и *одговарала:PRF.IPFV* на њихове поздраве, **пошто** он, ефенди-Мита... *ни је гледао:PRF.IPFV* ни у кога.

‘Впрочем, она одна отвечала на их приветствия, так как он, эфенди-Мита... никого не замечал.’

(11) Она *је* рано *легла:PRF.PFV*, **пошто** *ће устати:FUT I.PFV* у зору.

‘Она рано ушла спать, потому что ей придется встать на рассвете.’

Как показывает следующий пример, в чисто временных СПП болгарский союз *след като* выражает то же самое таксисное значение, что и сербский союз *пошто*:

(12) Мисля, именно тогава Лудвиг разбра, че *след като* станаха:AOR.PFV врагове на папата, францисканците могат:PRS.IPFV да бъдат негови могъщи съюзници.

‘Думаю, что именно тогда Людовик понял, что после того как францисканцы стали врагами папы, они могут стать его мощными соратниками.’

Однако, как и союз *пошто*, и в тех же условиях, союз *след като* может выражать и причинное значение:

(13) **След като** стаята *е:СОР.PRS* толкова *дълга*, в нея *има:PRS.IPFV* място за бюро.

‘Так как комната так длинна, в ней есть место для письменного стола.’

(14) Един господар, дори когато не е нищо повече от празен балон, не *може:PRES.IPFV* да мине без слуги, **след като** *притежава:PRES.IPFV* луксозен дом и вила *вън* от града (Б. Райнов).

‘Хозяин, даже когда он не представляет собой ничего более чем пустой шарик («дугая величина»), не может обойтись без слуг, поскольку владеет роскошным домом и виллой за городом.’

Сербские союзы *чим* и *како* ‘(как) только’ являются специализированными союзами контактного предшествования и употребляются преимущественно в плане прошлого. При этом глаголы в ПЧ стандартно употребляются в форме СВ:

(15) **Чим** *је стигао:PRF.PFV* у равницу Скадарског града, *умре:AOR.PFV* [...]

‘Как только он прибыл в окрестности Скадарского города, умер [...]’.

(16) **Како** он *наиђе:AOR.PFV*, а све *се* главе дубоко *приклонише:AOR.PFV*.

‘Только он подошел, все головы склонились.’

При выражении вторичного, причинного значения в ПЧ стандартно употребляется глагол НСВ, обычно в настоящем времени, и не выражается значение предшествования:

(17) **Чим** не мислиш:*PRS.IPFV* како мисли пандур, онда *си:PRS.IPFV* завереник³.

‘Раз ты мыслишь не как полицейский, значит, ты заговорщик.’

(18) **Како** ништа друго *не може:PRS.IPFV* радити, он *коми:PRS.IPFV* грах.

‘Так как ничего другого делать не может, он чистит горошек.’

С союзом *чим* можно сравнить болгарской союз *щом*, имеющее то же самое таксисное значение непосредственного предшествования. См. (15) со следующим примером:

(19) **Щом** *стигна:AOR.PFV* до училището, *побърза:AOR.PFV* да потули опасните книжа.

‘Как только он пришел в школу, поспешил спрятать опасные бумаги.’

По нашим предварительным данным, для союза *щом* употребление в не чисто темпоральных (таксисных) СПП является значительно более характерным, чем для сербского союза *чим*. Как нам кажется, нетемпоральные значения этих союзов тоже несколько различаются. В параллельных текстах *щом* в нетемпоральном значении обычно соответствует не союзу *чим*, а союзу *кад* или союзу *ако* ‘если’. См. следующий пример из романа Андрича *На Дрини ћуприја*, с его болгарским переводом:

(20) [...] а није се нико нашао да те награди како заслужијеш. Ево ја *ћу:FUT*, *кад* нико *није:PRS.NEG*.

‘[...] никого еще не нашлось, кто бы воздал тебе по заслугам. Так вот, это сделаю я, раз никого другого нет.’

(20а) [...] а не се е намерил някой да ти плати каквото заслужаваш. Но аз *ще съм:FUT.IPFV*, *щом* друг *не е:PRS.IPFV*.

В русских соответствиях обычно находим союз *раз*, но и *если*, как в следующем оригинальном тексте Булгакова:

³ Коррелят *онда* ‘значит’ в ГЧ данного примера подчеркивает значение следствия как логического вывода.

(21) – Слушам, месир – каза котаракът, – **щом** вие *смятате*:*PRS.IPFV* че няма размах, веднага *ще се присъединя*:*FUT.PFV* към същото становище.’

‘– Слушаю, мессир, – сказал кот, – если вы находите, что нет размаха, и я немедленно начну придерживаться того же мнения.’

Сербский союз *док* ‘пока’ является специализированным союзом, который стандартно выражает одновременность, если в ПЧ употребляется глагол НСВ того же временного плана, как глагол в ГЧ.

(22) Док *сам се ја мучио*:*PRF.IPFV* тим безуспешним покушајем да мислим о том чудном закону у тој још чуднијој земљи, министар ме *гледаше*:*IPRF.IPFV* с осмехом задовољства [...].

‘Пока я с трудом пытался думать об этом странном законе в этой еще более странной стране, министр смотрел на меня с довольной улыбкой [...].’

Напротив, причинное значение ‘раз’ союз *док* выражает, если сочетание видовременных форм в ГЧ и ПЧ исключает значение одновременности:

(23) Баш *си*:*PRS.IPFV* не *човјек док си* своју вјеру *преврнуо*:*PRF.PFV*.

‘Ничего человеческого в тебе нет, раз ты веру свою поменял.’

Анализ приведенных примеров показывает, что появление вторичного причинного или условного значения у временных союзов маркируется главным образом сменой совокупности глагольных форм в ПЧ и в ГЧ, а также может маркироваться с помощью лексических показателей вторичного значения. Данные рассмотренных языков, а также аналогичные примеры из других языков свидетельствуют о том, что в принципе вторичное причинное или условное значение могут приобретать любые временные союзы, кроме тех, которые выражают таксисное значение следования. При этом можно предполагать, что наиболее часто вторичные значения приобретают союзы, имеющие значение ‘когда’, ‘только что’, ‘после того как’ и ‘с тех пор как’⁴.

В заключение обратим внимание на следующее обстоятельство. Если наличие вторичного причинного или условного значения у временных (таксисных) союзов распространенное и вполне объяснимое явление, то нам неизвестны случаи, когда бы исходно причинный или условный союз утрачивал свое значение и становился бы временным союзом. Иными словами, утрата исходного причинного и условного значения в отличие от их появления у временных союзов противоречит эволюционным закономерностям развития языка.

⁴ Известный пример последнего типа представляет собой английский союз *since*, который наряду с таксисным значением ‘с тех пор как’ очень часто выражает причинное значение ‘так как, потому что’.

Литература:

- Евтюхин, В.Б. (1996). Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: „Наука”, 138–174.
- Князев, Ю.П. (2007). Онтогенез отношений обусловленности в детской речи (по данным «Дневника» А. Н. Гвоздева) // Семантические категории в детской речи. СПб.: „Нестор-История”, 339–358.
- Подлеская, В.И. (1995). Импликативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации // „Вопросы языкознания” 6, 77–84.
- Сударева, О.Г. (2007). Ранние этапы овладения детьми временных отношений и способов их языкового выражения // Семантические категории в детской речи. СПб.: „Нестор-История”, 78–98.
- Храковский, В.С. (2009). Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. М.: „Знак”, 11–113.
- Givón, T. (1990). *Syntax: a functional-typological introduction*. Vol. II. Amsterdam: Benjamins.

Значения и функции суффикса *-ну-* в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским)

ROSANNA BENACCHIO
Università degli Studi di Padova
rosanna.benacchio@unipd.it

В разных предыдущих работах [Бенаккьо 2015 и 2018, Бенаккьо, Стэнвейк 2018] мы постарались определить формальные (морфологические) средства выражения глагольного вида в резьянском диалекте, который, как известно, принадлежит к группе сохранившихся славянских (словенских) лингвистических островов, бытующих в северо-восточной Италии, на границе со Словенией. Мы обратили наше внимание как на префиксацию (самый употребительный способ образования видового коррелята СВ в нашем диалекте), так и на суффиксацию, однако не принимали до сих пор во внимание суффикс *-ну-*, который, подобно другим славянским языкам, широко распространен и в резьянском диалекте: этой теме посвящена данная работа.

Об этом суффиксе в русском языке в последние годы писали разные ученые (Плунгян 2000, Dickey, Janda 2009, Sokolova 2015 и т.д.), которые подчеркивали его сложную семантику, отражающую как семейфактивную и моментальную, так и просто перфективирующую функцию. На эту особенность ученые обращали внимание и раньше (см., напр., Исаченко 1960), однако на настоящем этапе исследований, все более и более основывающихся на материале НКРЯ и вообще на языковом материале онлайн, присутствие в русском языке (особенного разговорного типа) последней, т.е. просто перфективирующей, функции проявляется более ярко и заставляет снова обратиться к изучению данного суффикса.

Интересно заметить, что те же особенности встречаются и в резьянском диалекте: здесь тоже суффикс *-ни-* имеет сложную семантику, и обозначает как семейфактивную (см. *pjüwat / pjüwnut* 'плевать/плюнуть', *kapat / kâpnut* 'капать / капнуть'), так моментальную, так и просто перфективирующую функцию (особенно в сочетании с префиксом *za-*): *mučat / muknut*, 'молчать/замолчать', *garmët / zagyrmnut* 'греметь' *lajat / zalajnut* 'ляять'.

Анализ функционирования суффикса *-ни-* в таком архаичном и не подверженном нормативизации диалекте, может привести к большей ясности в понимании того же феномена в русском и в других славянских языках.

Литература:

- Бенаккьо, Р. (2015). *Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте: префиксация и суффиксация* // М. Китадзё (ред.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Киото, 21–26.
- Бенаккьо, Р. (2018). *Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект* // „Славистика”, XXII/1, 9–20.
- Бенаккьо, Р. (2018). Стэнвейк Х. *Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно славянская и романская лексика* // *The role of prefixes in the formation of aspectuality*, Firenze, 23–40.
- Плунгян, В. (2001). *‘Быстро’ в грамматике русского и других языков* // Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (под ред.), *Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна*. Москва, 212–223.
- Dickey, S., Janda, L. (2009). *Хохотнул, схитрил: the relationship between semelfactives formed with -ни- and s- in Russian* // „Russian Linguistics” 33, 229–248.
- Sokolova, S. (2015). *„Rabotnul na slavu – Gul’ni smelo!”*. “Nu” as a universal aspectual marker in non-standard Russian. М. Kitajo (ed.), *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Kyoto, 271–277.

„Абсентив” в северных и в западных славянских языках

TILMAN BERGER
Universität Tübingen
tberger@uni-tuebingen.de

Темой моего доклада будет специфическая конструкция, известная прежде всего из чешского языка. Речь идёт о комбинации глагола-связки с «голым» инфинитивом, ср. следующий пример:

X byl tančít.

Эта конструкция обозначает примерно следующее: субъект X был где-то, чтобы заниматься действием, выраженным инфинитивом, но в данный момент он уже не там.

Первым об этой конструкции писал Докулил (1949), и с тех пор она упоминается во всех описаниях чешского синтаксиса. В 1995 г. де Гроот ввёл термин «абсентив» для подобных конструкций в голландском, венгерском и других языках. В работе Фогель (2007) утверждается, что эта конструкция существует во многих европейских языках, в том числе в польском, словенском и хорватском, но не в восточнославянских языках.

Опираясь на свою статью 2009 г. и на работу Карлика (2009), я буду описывать главные характеристики конструкции и покажу, что она существует также в словацком и в верхнелужицком языке. В нижнелужицком языке вместо инфинитива употребляется супин, как и в словенском, где эта конструкция находится на периферии системы, но все-таки она есть. Употребление супина в этих двух языках позволяет лучше понять возникновение конструкции в тех славянских языках, в которых сегодня используется инфинитив.

Литература:

Berger, T. (2009). *Einige Bemerkungen zum tschechischen Absentiv*. In: Berger, Tilman et al. (eds.), *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag*. Munich, 9–28.

- Dokulil, M. (1949). Byl jsem se koupat, naši byli vázat. (*Osobní vazby slovesa býti s infinitivem*). „Naše řeč“ 33, 81–92.
- de Groot, C. (1995). *De absentief in het Nederlands: een grammaticale categorie*. „Forum der Letteren“ 36, 1–18.
- de Groot, C. (2000). The absentive. In: Dahl, Östen (ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin, 693–719.
- Karlík, P. (2009). *Syntaktická struktura Petr byl boxovat: české specifikum, nebo evropské univerzále?* In: Hlaváčková, Dana et al. (eds.), *After Half a Century of Slavonic Natural Language Processing*, Brno, 113–123.
- Steenwijk, H. (2003). *The use of the supine in Lower Sorbian*. In: Schaaken, Jos (ed.), *Dutch contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics*. Amsterdam, 331–342.
- Vogel, P.M. (2007). Anna ist essen! *Neue Überlegungen zum Absentiv*. In: Geist, Ljudmila; Rothstein, Björn (eds.), *Kopulaverben und Kopulasätze. Intersprachliche und intrasprachliche Aspekte*, Tübingen, 253–284.

Bulgarian Dialects as a Laboratory for Slavic Historical Linguistics: Banat-Bulgarian and the Transformation of the Past Tenses in Non-Standard Bulgarian

JAN IVAR BJØRNFLATEN

University of Oslo

j.i.bjornflaten@ilos.uio.no

It is a basic fact about several languages of Europe that an erstwhile periphrastic perfect has developed into a general preterit (Heine&Kuteva 2006: 36). There is, however, a large degree of variation in this transformation of the perfect to a preterit. Drinka (2017: 40) refers to 5 stages in this process and places some of the Slavic languages, Russian, Ukrainian, Czech and others, on the last stage 4. In these languages, the erstwhile perfect has developed into a general preterit, at the same time as a language like Bulgarian (and Macedonian) is on stage 0 with a preserved perfect distinct from the aorist/preterit. Several scholars consider the relationship between the stages to be a hierarchial or chronological one (Heine&Kuteva 2006: 38). This implies that Russian has been through a development that still awaits Bulgarian. Bulgarian can only be expected to develop in the direction of Russian as the result of a unidirectional grammaticalization process. On this background, the proposed paper will discuss whether the multifaceted variation in the past tenses in Bulgarian dialects can be considered indicative of on-going changes which will ultimately lead to loss of the synthetic past tenses aorist and imperfect and to a *perfect > preterit shift*. Can this shift recorded in the Bulgarian language island in the Roumanian Banat be considered the result of grammaticalization or language contact, cf. Banat-Bulgarian, *Smi gi zval_{perf} pa ni sa štel_{perf} da dojdāt na svadbata* versus Standard Bulgarian, *Nie gi pokanachme_{aor1pp} no ne iskacha_{aor3pl} da dojdāt na svadbata*, ‘We invited them, but they did not want to come to the wedding’. Can Banat-Bulgarian which underwent the *perfect > preterit shift*’ probably between 1850–1900 (Stojkov 1958) shed light on the changes going on in Bulgarian dialects? If so, can Banat-Bulgarian be a test case with regard to changes in the Bulgarian past tenses, and, in its turn, for changes that transformed the past tenses of other Slavic languages?

Literature:

- Drinka, B. (2017). *Language Contact in Europe. The Periphrastic Perfect through History*. Cambridge: University Press.
- Heine, B., Kuteva, T. (2006). *The Changing Languages of Europe*. Oxford: University Press.
- Stojkov, S. (1958). *Izčesvane na imperfekt i aorist v banatskija govor*. In: *Slavističen sbornik*. T. 1. *Ezikoзнание*. Sofija, 185–208.
- Stojkov, S. (1967). *Banatskijat govor*. Sofija.
- Vakarelska-Nemova, D. (1974). *Kām vāprosa za minalite vremena v njakoi severozapadni bālgarski govori*. In: *V pamet na profesor Stojko Stojkov, 1912–1969*. Sofija: BAN.

On the Status of „Attesting Adverbials” in Bipolar Questions

ANDRZEJ BOGUSŁAWSKI

Katedra Lingwistyki Formalnej, Uniwersytet Warszawski

It is clearly the case that bipolar questions do not tolerate hypothesizing ingredients such as *probably*, *certainly* etc., cf. (1) * *Did Peter probably come?*

In this contribution I am going to deal with the scope of *correct* introducibility of members of another special category of expressions, viz. that of „attesting adverbials”, a category established by Magdalena Danielewiczowa in her (2012), into bipolar questions, such as those formed by the Polish questioner *czy* or the corresponding English operation (e.g. *does he _ (or doesn't he _)*). The „attesting adverbials” are exemplified by such inherently *unstressed* expressions as *literally* or *manifestly* in attributions like *He was literally immersed in reminiscences of the yesterday events.* or *She was manifestly angry with his critical remarks.* (I prescind utterances with „corrective” or „quotative” stressed occurrence of the adverbs).

Literal utterances co-constituted by „attesting adverbials” do not state presence or absence of an objective state of affairs; they present ***the speaker's metacharacterization of his / her own predicative qualification of an object / a state of affairs.***

This is in a clear contrast with the nature of the expression *czy* as the operator of a question concerning *an absolutely objective state of affairs* in its exclusion of the *lack* of such a state of affairs.

As a result *yes / no* questions based on sentences embracing „attesting adverbials” appear to be ***primarily deviant.*** Cf.:

(2) ? *Was he completely ignorant of what was going on?*

(3) ? *Was this article unequivocally antisemitic?*

Still, there is a difference between utterances like (1) and those like (2) – (3).

My proposal concerning the resulting quandary is as follows. Interrogatives like (2) – (3) are *covert* inquiries into the distinction between the *positive and the negative* of the appropriate alternative, an alternative *as admittedly made by the identified or unidentified author of the qualification of the description in question.*

Consider the following:

(4) *Was this article, as it has been claimed, an antisemitic declaration?*

What we have to do with here is merely the inquiry concerning the **content** of someone's just mentioned *saying that the article in question was an antisemitic declaration*. There is no inquiry into the question of whether or not there was someone's saying to this effect since its presence has been recognized as real from the very beginning (even though without an indication of whose and which utterance took place).

My claim is that (3) may have the status of a product of a regular metonymical abbreviation.

This allows us to admit that there is a certain restricted ambivalence with respect to the problem of acceptability of embedding expressions embracing „attesting adverbials” in the interrogatives based on the operator *czy / does*.

Literature:

Danielewiczowa, M. (2012). *W głąb specjalizacji znaczeń. Przysłówkowe metapredykaty atestacyjne*, Warszawa: Bel Studio.

Семантический сдвиг и его интонационная маркировка

ИГОРЬ М. БОГУСЛАВСКИЙ

Институт проблем передачи информации РАН им. А.А. Харкевича, Москва

igor.m.boguslavsky@gmail.com

В прототипическом случае значение предложения складывается по определенным правилам из значений входящих в его состав языковых единиц – слов, грамматических элементов, синтаксических конструкций. Мы рассмотрим несколько ситуаций, когда этот принцип нарушается. Речь пойдет о конструкциях, включающих такие слова как *не*, *единственный*, *завидовать* и *зарабатывать*. В каждом случае семантический сдвиг маркируется интонационно, прежде всего позицией фразового ударения.

Тематический аспект высказывания и его показатели в польском языке

MAGDALENA DANIELEWICZOWA

Uniwersytet Warszawski, Katedra Lingwistyki Formalnej

m.m.danielewicz@uw.edu.pl

Тематический аспект это один из самых важных компонентов информационной структуры высказывания, принятие которого во внимание позволяет, среди других, интерпретировать некоторые парадоксальные примеры в роде: *Я его люблю и ненавижу*. Главная цель доклада состоит в обосновании утверждения, что эта семантическая категория отнюдь не теоретический конструкт, а неотъемлемый элемент речи. Даже если тематический аспект не всегда обнаруживается на поверхности, естественный язык располагает специализированными средствами, с помощью которых говорящий может эксплицитно отразить этот семантический компонент. Автор пытается охарактеризовать некоторые показатели тематического аспекта в современном польском языке. Все эти выражения либо имеют тематический характер как таковые, либо приобретают такой характер в определенных контекстах употребления. Они принадлежат к разным подсистемам языка.

В докладе обсуждаются избранные лексические и синтаксические показатели тематического аспекта. Лексику представляют, например, такие единицы как: *pod względem*_, *w aspekcie*_, *z punktu widzenia*_, *z jednej strony*_, *z drugiej strony*. Очень интересным выражением этого типа является слово *jako*; в качестве примера можно привести предложение: *Jako nauczyciel jest pobłażliwy, ale jako ojciec – wymagający* [Как учитель, он снисходителен, но как отец, требователен]. К категории грамматических средств принадлежат, среди других, специального рода наречия, например: *Fizycznie jest podobny do swojego ojca* [Физически он похож на своего отца], особые формы творительного падежа: *Gmach swą formą i wymiarami przypominał niewielką piramidę* [Здание по своей форме и размерам напоминало небольшую пирамиду], предложные конструкции типа: *Z zawodu jestem nauczycielem* [По профессии я учитель]. В докладе рассматриваются эмпирические примеры из Национального корпуса польского языка и теоретические проблемы, связанные с этим языковым материалом.

Literatura:

- Arystoteles (1990). Arystoteles, *Topiki*, [w:] idem, *Dzieła wszystkie*, tom I, przeł. K. Leśniak, Warszawa. [zwl. 375–376]
- Arystoteles (2003). *Metafizyka*, [w:] idem, *Dzieła wszystkie*, tom II, przeł. K. Leśniak, Warszawa: PWN. [zwl. 669, 680–681]
- Bäck, A. (1996). *On Reduplication. Logical Theories of Qualification*, New York: Brill.
- Bogusławski, A. (1977). *Thematic-Rhematic Structure of Sentences*, Warszawa: PWN.
- Bogusławski, A. (1999). *Inherently thematic or rhematic units of language*, [w:] E. Hajičová, T. Hoškovec, O. Leška, P. Sgall, Z. Skoumalová (red.), *Travaux du Cercle linguistique de Prague 3*, Amsterdam: Benjamins, 211–224.
- Bogusławski, A., Danielewiczowa, M. (2005). *Verba polona abscondita. Sonda słownikowa III*, Warszawa: Elma Books.
- Danielewiczowa, M. (2012). *W głąb specjalizacji znaczeń. Przysłówkowe metapredykaty atestacyjne*, Warszawa: Bel Studio.
- Hentschel, G., Anders S. (2006). *O składni i semantyce polskiej frazy jako i z uzupełnieniem rzeczownikowym w porównaniu z niemiecką frazą z als*, [w:] I. Bobrowski, K. Kowalik (red.), *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Romanowi Laskowskiemu*, Kraków: Wyd. LEXIS, 223–238.
- Paśniczek, J. (2004). *Aspektualność przedmiotów intencjonalnych*, [w:] Z. Muszyński, J. Paśniczek, *Intencjonalność jako kategoria filozofii umysłu i filozofii języka*, Lublin: Wyd. UMCS.
- Poli, R. (1998). *Qua – Theories*, [w:] L. Albertazzi (red.), *Shapes of Forms*, Dordrecht: Kluwer, 245–256.
- Wajszczuk, J. (1997). *System znaczeń w obszarze spójników polskich*, Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW.
- Werner, K. (2009). *Uogólniona qua-teoria i niektóre jej zastosowania*, „Zagadnienia Naukoznawstwa” 3–4 (182), 419–28.
- Werner, K. (2010). *Aspektualizm w filozoficznych podstawach kognitywistyki*, „Zagadnienia Naukoznawstwa” 1 (183), 111–20.
- Werner, K. (2012). *Przedmiot badań qua-teorii*, „Diametros” 31, 113–132.

O niezbadanej funkcji składniowej słowa *co* w języku polskim

MACIEJ GROCHOWSKI

Instytut Języka Polskiego PAN

magro@umk.pl

Przedmiotem refleksji w referacie są właściwości składniowe i znaczenie poli-funkcyjnego i mającego wysoką frekwencję w tekstach słowa *co* w języku polskim, tylko w jednym typie kontekstu, mianowicie występującego obligatoryjnie w antepozycji względem komparatywu przymiotnika. Por. (wszystkie przykłady z NKJP):

- (1) Mam taki zwyczaj, że zachowuję *co* ciekawsze wycinki z gazet i czasopism.
- (2) Za chwilę zza kulis ma wyjść słoń. Z *co* lepszych miejsc widać już nawet trąbę.
- (3) Nasz sąsiad szedł chodnikiem, omijając *co* większe wyrwy.
- (4) Będziemy obserwowali exodus *co* zdolniejszych specjalistów i permanentną obniżkę poziomu nauczania.
- (5) Owce przystanąły w połowie drogi, *co* mądrzejsze trawę zaczęły skubać.

Literatura dotycząca jednostek leksykalnych o postaci *co* i wielocłonowych zawierających słowo *co* jest niemała; por. np. Urbańczyk 1939, Pisarkowa 1969, Jodłowski 1973, Śmiech 1982, Laskowski 1991, Świdziński 1995, Topolińska 1997, Cyra 2000, Malejka 2001, Żakiewicz 2004, Kisiel 2012. Ale ciągu *co*, reprezentowanego przez konteksty typu (1) – (5), o ile mi wiadomo, nikt dotychczas nie badał.

Rozważane tu *co* jest nieodmienne, otwiera pozycję syntaktyczną dla przymiotnika, którą może wypełnić forma komparatywu. Przymiotnik natomiast nie otwiera pozycji dla słowa *co*, jest ono do przymiotnika dodane. Redukcja komparatywu powoduje dewiację gramatyczną zdania, redukcja słowa *co* jest dopuszczalna.

Pojęcie komparatywu implikuje porównanie dwóch obiektów z punktu widzenia cechy wyrażonej przez przymiotnik (np. Ten ołówek jest dłuższy od tamtego.), ale drugi obiekt (drugi człon porównania) nie ma jawnej reprezentacji w zdaniach zawierających *co*.

Ze znaczenia jednostki *co* wynika, że obiekty mające cechę komunikowaną przez formę komparatywu tworzą zbiór wieloelementowy. Formalnym tego świadectwem jest pluralis rzeczownika konstytuującego grupę nominalną, a w konsekwencji również samego komparatywu. Forma singularis jest dopuszczalna, gdy rzeczownik reprezentuje pojęcie kolektywne (6) lub jest użyty generycznie (7). Por. np.

(6) Pakowano co lepszą odzież oraz żywność w tobołki i plecaki.

(7) Trzeba było wybrać do przeróbki stare ubrania z co lepszego materiału.

Mówiący za pomocą słowa **co** selekcjonuje obiekty mające cechę komunikowaną przez formę komparatywu, by tylko części spośród tych obiektów przypisać predykat konstytuujący zdanie. Właśnie **co** blokuje możliwość przypisania predykatu wszystkim obiektom. Dewiacyjne są połączenia **co** z wykładnikami kwantyfikacji ogólnej; por. (8), (9) ze zdaniami akceptowalnymi, niezawierającymi **co**; (10), (11):

(8) *Mam taki zwyczaj, że zachowuję co wszystkie ciekawsze wycinki z gazet i czasopism.

(9) *Pakowano co każdą lepszą odzież oraz żywność w tobołki i plecaki.

(10) Mam taki zwyczaj, że zachowuję wszystkie ciekawsze wycinki z gazet i czasopism.

(11) Pakowano każdą lepszą odzież oraz żywność w tobołki i plecaki.

Por. też akceptowalne połączenia **co** z wykładnikami kwantyfikacji nieokreślonej cząstkowej *niektóre / niektórzy*:

(12) Wybierałem ze stojącej przed oddziałem popielniczki co niektóre dłuższe pety.

(13) Dziki tłum rzucił się na pierwsze piętro. Co niektórzy szybsi zablokowali drzwi do pokoju.

Bez przeszkód łączy się też **co** z liczebnikiem porządkowym, por. np.

(14) Nawet recepcjonista, przynoszący co trzeci dzień pieniądze, przestał się do niego odzywać.

Kwalifikacja gramatyczna **co** w słownikach jako przysłówka, modulanta bądź przyimka jest nietrafna (co zostanie uzasadnione w referacie). Badaną jednostkę zaliczam do klasy operatorów metapredykatywnych (w rozumieniu przyjętym w: Grochowski, Kisiel, Żabowska 2014: 27).

Nie jest wykluczone, że w analizie, zwłaszcza składniowej, wyróżnionego **co** może być przydatne porównanie tej jednostki z operatorem metapredykatywnym **jak** (taką kwalifikację proponuje przekonująco WSJP), otwierającym w postpozycji pozycję składniową dla superlatywu przymiotnika i przysłówka, jak np. w (15), (16). Forma superlatywu natomiast jednostki **jak** nie implikuje. Por. Chojak (2001), Kallas (1988).

(15) Szukamy jak najkrótszej drogi. (Chojak 2001: 80)

(16) Wróć jak najprędzej. (Kallas 1988: 140)

Literatura:

- Chojak, J. (2001). *Przysłówek – nie przysłówek, modulant – nie modulant. Uwagi na marginesie opisu leksykograficznego jak*, [w:] V.S. Chrakovskij, M. Grochowski, G. Hentschel (eds.), *Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages*, Oldenburg: BIS, 77–87.
- Cyra, K. (2000). *Spójnik co jako wykładnik relacji stałego współwystępowania*, „Poradnik Językowy” 6, 31–40.
- Grochowski, M., Kisiel, A., Żabowska, M. (2014). *Słownik gniazdowy partykuł polskich*, Kraków: PAU.
- Jodłowski, S. (1973). *Ogólnojęzykozawczna charakterystyka zaimka*, Wrocław: Ossolineum.
- Kallas, K. (1988). *Syntaktyczna charakterystyka wielofunkcyjnego jak*, „Polonica” 12, 127–143.
- Kisiel, A. (2012). *Żeby było_ i co_. Notka o znaczeniu*. „Linguistica Copernicana” 2 (8), 205–213.
- Laskowski, R. (1991). *Status gramatyczny wskaźnika syntaktycznego zespolenia w zdaniach względnych z co*, [w:] M. Grochowski, D. Weiss (eds.), *Words are physicians for an ailing mind*, München: Sagner, 271–277.
- Malejka, J. (2001). *Polskie zdania względne i pytajnozależne – podobieństwa i różnice*, „Polonica” 21, 165–183.
- Pisarkowa, K. (1969). *Funkcje składniowe polskich zaimków odmiennych*, Wrocław: Ossolineum.
- Śmiech, W. (1982). *Uwagi o użyciu wyrazów co, kto, który w funkcji zaimków względnych w języku polskim*, „Rozprawy Komisji Językowej ŁTN” 28, 99–104.
- Świdziński, M. (1995). *Problem jednostek względnych*, [w:] M. Grochowski (red.), *Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście*, Toruń: UMK, 79–88.
- Topolińska, Z. (1997). *Co – sygnał komplementacji?* [w:] H. Popowska-Taborska, J. Duma (red.), *Onomastyka i dialektologia. Prace dedykowane Ewie Rzetelskiej-Feleszko*, Warszawa, 247–253.
- Urbańczyk, S. (1939). *Zdania rozpoczynane wyrazem co w języku polskim*, Kraków: PAU.
- Żakiewicz, W. (2004). *Słów kilka o ‘co który’*, „Prace Filologiczne” 49, 493–499.

Некоторые адвербиальные микроконструкции в русском языке: валентная структура и семантика

ЛЕОНИД ЛЕЙБОВИЧ ИОМДИН

Институт проблем передачи информации РАН им. А.А. Харкевича, Москва
iomdin@iitp.ru

В работе, выполненной в русле теории микросинтаксиса будет рассмотрен ряд адвербиальных элементов русского языка, образованные сочетаниями предлогов с существительным. Некоторые такие сочетания в целом эквивалентны предлогам (ср. *в виде, в пользу, по поводу, на тему, по причине*), другие выступают скорее как наречия (*в виду, на виду, с виду, на пользу, по существу, к сожалению* и др). Мы сконцентрируемся на валентной структуре таких выражений и постараемся соотнести их с валентной структурой мотивирующего слова. Например, у слова *вид* в значении ‘объект видения’ имеется как минимум две валентности: объекта (‘что видно’) и содержания (‘как это выглядит’). Именная группа в родительном падеже в нейтральном случае при слове *вид* заполняет его валентность объекта (*вид Варшавы зимой*), а в особых случаях – валентность содержания (*Сечение железнодорожной насыпи имеет вид трапеции*). Именно это валентность выражается родительным падежом и в микросинтаксической единице *в виде*.

Аналитические компаративные конструкции со словами *более и менее* в русском языке

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ КНЯЗЕВ
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
knjazevjurij@yandex.ru

В русском, как и в ряде других европейских языках, наряду с более старыми синтетическими формами компаратива типа *сильнее, слабее, дороже, дешевле*, сформировались аналитические компаративные конструкции со словами *более* (их можно назвать «супериорными»); ср. *более сильный, более дорогой* и т. п., и антонимичные им «инфериорные» конструкции со словом *менее*; ср. *менее сильный, менее дорогой*.

Синтетические формы считаются образцом компаратива. Поэтому тот факт, что синтетические формы компаратива в европейских языках (восходящие в основном к одному и тому же источнику) выражают супериорность – превышение степени интенсивности обозначаемого признака, является основанием для того, чтобы считать значение ‘больше, чем’ более значимым по сравнению со значением ‘меньше, чем’.

Различию между *более* и *менее* может даваться и когнитивное обоснование: From a cognitive point of view, it is more salient to describe entities that are larger, smaller, than those that are less large, less small and so forth. In grammars the former type is referred to as comparison of **majority**, the latter as comparison of **minority**: *That box is smaller than this* vs. *Your book is less interesting than hers*. Whereas the comparison of majority is expressed by morphological processes in several languages, apparently the comparison of majority is expressed only lexically. This implies that there is no affix meaning ‘less’ parallel to that of majority (Cuzzolin, Lehmann 2004: 1213).

В дальнейшем я исхожу из того, что градуируемый признак, обозначаемый положительной степенью прилагательного, обозначается по отношению к подразумеваемой н о р м е – усредненным представлениям о данном объекте с качественными и/или количественными характеристиками.

Тогда семантическое соотношение в парах типа *слабый – сильный* можно схематически представить следующим образом:

-----x-----
слабый ‘меньше нормы’ норма *сильный* ‘больше нормы’

В компаративных конструкциях место нормы занимает произвольно избираемый стандарт сравнение: *А сильнее (слабее) В*.

-----x-----
А слабее В стандарт (Б) *А сильнее В*

Если исходить из того, что прилагательное со значением малого полюса шкалы содержит отрицание (Апресян 1974 302–305; Givón 1978: 108–109), то окажется, что сочетания «с одинаковыми знаками»: *более шумный* (+ +) и *менее тихий* (– –) выражают возрастание абсолютной величины признака – «плюсовое» изменение уровня шума, а комбинации «с разными знаками»: *более тихий* (+ –) и *менее шумный* (– +) – уменьшение абсолютной величины признака, т. е. его «минусовое» изменение.

В результате, с «алгебраической» точки зрения, *менее тихий* должно значить то же, что и *более шумный*, а *менее шумный* – то же, что и *более тихий*.

Если, исходя из сказанного, поместить аналитические компаративы на предыдущую схему, мы получим следующее соотношение:

-----x-----
А слабее В стандарт (б) *А сильнее В*
А более слабый, чем Б *А более сильный, чем Б*
А менее сильный, чем Б *А менее слабый, чем Б*

Отталкиваясь от этой схемы, казалось бы, можно сделать вывод об избыточности инфериорных компаративных конструкций со словом *менее*. Действительно, судя по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ, общий корпус, 31.05.2019), употребляются гораздо реже, чем супериорные. Приведу для иллюстрации несколько примеров:

более сильный	1619	более быстрый	485	более длинный	359
более слабый	554	более медленный	178	более короткий	462
менее сильный	273	менее быстрый	67	менее длинный	32
менее слабый	13	менее медленный	4	менее короткий	13
более шумный	54	более горячий	84	более высокий	3019
более тихий	80	более холодный	131	более низкий	1062
менее шумный	19	менее горячий	39	менее высокий	110
менее тихий	11	менее холодный	10	менее низкий	7

Как можно видеть из этих примеров, компаративные конструкции со словом *более* неизменно употребляются чаще, чем конструкции с *менее*, причем наименее употребительными оказываются конструкции «с двумя минусами» типа *менее слабый*. Тем не менее они отнюдь не являются исключительной редкостью.

Судя по данным НКРЯ, употребление конструкций со словом *менее* чаще всего обуславливается заданным в предшествующем контексте ожидаемым уровнем интенсивности признака:

Ранее нечто подобное утверждалось по отношению к компаративным конструкциям со словом *более*. Так, по мнению И. А. Мельчука, «*короч + е* не имплицитно означает смысла 'короткий' – в отличие от *более коротк(+ий)*» (Мельчук 1998: 123). Аналогичная точка зрения высказана и в диссертации (Гращенко 2017: 48). Между тем примеры из НКРЯ показывают, что «более короткое» вполне может сравниваться не только с «коротким», но и с «длинным» и в этом случае лишено количественной определенности:

- (1) *Улицы в Осташкове идут вдоль этого полуострова, они прямые, длинные. Их пересекают более короткие «поперечные» улицы. И куда бы ты ни пошёл, обязательно выйдешь к Селигеру.* [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)];
- (2) *На более коротких дистанциях (200-300 км) пассажиры выбирают автотранспорт, а когда нужно преодолеть более 1000 км, отдают предпочтение самолёту.*[Надежда Мерешко. Долго ждем ВСМ // «Эксперт», 2014]
- (3) – *Значит, получается, что тот незнакомый парень, которого видели игроки после лана, заманил Гену к месту убийства, дал ему длинный маршрут, который заведомо займет много времени, а сам поехал туда же более коротким и быстрым путем, – наконец сказал он.* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

Еще один пример с другим прилагательным, где сравниваются две заведомо нереальные ситуации:

- (4) *Давняя великая мечта о просвещении народа сейчас кажется не более реальной, чем попытка целиком зажарить быка на огне свечи.* [Фазиль Искандер. Курортная идиллия (1999)].

Между тем употребление компаративных конструкций с *менее* действительно накладывает определенные ограничения на выбор стандарта сравнения:

- (5) *Он любил математику. Я предпочитал менее точные науки. Оба мы, впрочем, были изрядными лентяями* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)] –математика относится к числу точных наук;
- (6) *На рекламах вооружённых сил такого предупреждения нет, как будто война менее опасна для здоровья, чем курение.* [Василий

Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976] – курение опасно для здоровья;

- (7) *Последняя книга, которую я одолел, была «20 тысяч лье под водой». Я и прежде читал эту книгу, но под **менее загадочным** названием, там «лье» называлось километрами, и это шибко опресняло название [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)] – слово лье можно назвать загадочным;*
- (8) *Затем разгружали вещи, носили их по чистой лестнице... Стемнело... Зажглись изогнутые редкие светильники. Звёзды в небе стали **менее отчетливы и ярки**. [Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)] – звезды на ночном небе отчетливы и ярки;*
- (9) *За тридцать секунд перестроиться на выполнение другого элемента, пусть даже **менее сложного**, очень трудно. [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)] – элементы фигурного катания характеризуются повышенной сложностью.*

Таким образом, прилагательное, выступающее в сочетании со словом *менее*, дает своего рода обобщенную характеристику стандарту сравнения, употребленному в предшествующем или последующем контексте. Поэтому компаративные конструкции с *более* и *менее*, содержащие антонимичные прилагательные, от которых должна ожидатьс я равнозначность, могут быть противопоставлены в тексте:

- (10) *Нет никаких гарантий, что Чечня, став независимой, будет проводить в отношении Москвы **более дружественную** (а точнее, **менее враждебную**) политику (Известия, 24.9.1999).*

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка».

Литература:

- Апресян, Ю.Д. (1974). *Грамматическая семантика*. Москва: Наука.
- Гращенко, П.В. (2017). *Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва.
- Мельчук, И.А. (1998). *Курс общей морфологии*. Т. 2. *Морфологические значения*. Москва: Языки русской культуры.
- Cuzzolin, P., Lehmann, C. (2004). *Comparison and gradation*. G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.), *Morphology: An international handbook on inflection and word-formation*. Vol. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1212–1220.
- Givón, T. (1978). *Negation in language: pragmatics, function, ontology*. P. Cole (eds.). *Syntax and semantics*. Vol. 9. *Pragmatics*. N.Y., San Francisco, L.: Academic Press, 69–112.

Unifikačné tendencie zámených tvarov v štandardnej variete súčasnej slovenčiny

EUBOMÍR KRALČÁK

Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra

lkralcak@ukf.sk

1. Pre dynamiku morfolologickej stavby slovenčiny boli od najstarších čias príznačné predovšetkým **unifikačné tendencie**. Avšak tradičné zmeny smerujúce k tvarovej jednote, ako boli **unifikácia tvarotvorného základu a tvarotvorného formantu** buď už nie sú produktívne, alebo nie sú také dominantné. Dokonca prvá z nich dnes ako živá zmena neprebíha, druhá sa realizuje ako **vnútroparadigmatická** či **medziparadigmatická analógia**.

Možno konštatovať, že **analógia** ako jeden z univerzálnych „nástrojov“ dynamiky jazyka pôsobí aj ako nástroj dynamiky súčasnej morfológie najmä v dvoch podobách, a to ako: a) **vnútroparadigmatická analógia** (napr. v I pl. vzoru srdce: *s moriami, poliami, prsiami* namiesto *morami, polami, prsami* — teda analogicky podľa *moria, moriam, o moriach*), b) **medziparadigmatická analógia** (napr. vyrovnávanie pádových prípon skloňovacieho typu hrdina podľa typu chlap v N pl.: *záujemca* — *záujemci*, teda nie *záujemcovia* ako *hrdinovia*). Historicky je na ústupe **syntagmatická analógia** (z pôvodného: *o tomz dobrějemb* → *o tom dobrom*).

2. Jednou z výraznejších tendencií v dynamickom profile morfológie súčasnej štandardnej slovenčiny je **tendencia k tvarovému vyrovnávaniu niektorých zámen**. Väčšina týchto zmien stále zreteľnejšie nadobúda atribút príslušnosti k norme alebo je na pomedzí medzi úzom a normou.

2.1 Rodová unifikácia zámenných tvarov v pluráli

Ide o plurálové i singulárové tvary zámena *on*, v ktorých sa pôvodne prejavoval odkaz na formujúcu sa kategóriu mužskej osoby.

1) Podoba N pl. *oni* pre všetky rody, t. j. napr. *deti – oni, ženy – oni, duby – oni*, tak ako *chlapi – oni*:

2) Tvar A pl. zámena *on* (*na nich, pre nich...*) rovnaký pre všetky rody: **ženy – pre nich, deti – pre nich, duby – pre nich** (namiesto *pre ne*), a to podľa *chlapi – pre nich*.

2.2 Unifikácia menných a zložených tvarov

2.2.1 Unifikácia tvarov označujúcich osamotenosť a výlučnosť

Tvar samé pre neživotné maskulína, feminína a neutrá v N pl. vo funkcii vymedzovacieho zámena *samy* s významom osamotenosti (*ženy/deti tam boli samé*, namiesto *samy*).

2.2.2 Ústup menného tvaru vymedzovacieho zámena *sám* v N sg. neutra samo tvaru samé (*dieťa zostalo samé*).

2.3 Unifikácia tvarov označujúcich životnosť a neživotnosť

Jednotný dlhý tvar v predložkovom A sg. osobného zámena on na označenie životných i neživotných maskulín a neutier (*na neho, naňho*): *Vlak tu už mal byť, čakám naňho už hodinu* (namiesto *čakám naň*).

Privlastňovacie zámená **čí, čia, čie** – nahrádzané ustrnutým, rodovo ani pádovo nediferencovaným tvarom koho (*koho je to auto* namesto *čie je to auto*).

Otázky do diskusie

Uvedené prípady objavujúce sa nielen v ústnej, ale stále častejšie aj v písanej podobe predstavujú nespisovné (nekodifikované) gramatické tvary, preto je na mieste otázka, ako ich možno hodnotiť najmä z hľadiska odstuňovania miery ich normovanosti (resp. z hľadiska chápania ich pozície vo vzťahu k norme).

Будущее время – отношение между темпоральностью и модальностью

РУСЕЛИНА НИЦОЛОВА

Софийски университет „Св. Климент Охридски”

nitsolova@slav.uni-sofia.bg

Будущие времена в языках – граммемы с очень сложным значением, так как в них выражение темпоральной ориентации действий и их аспектуальности обязательно сочетается с модальностью (имеется ввиду реализация действия в некотором возможном мире, лишь в качестве исключения – реализация действия в реальном мире как у небудущих времен.) Как точно отметил Dahl еще в 1985 г., семантика футура может быть представлена прототипом, в составе которого входят наименее три признака: интенция, предсказание (англ. prediction) и референция к будущему времени (future time reference) (Dahl 1985: 108). При том очень важно отметить, что модальные признаки могут быть связаны с отношением говорящего, который не всегда является и агенсом, к действию.

Начнем с будущей темпоральной референцией футуров. Во многих языках, в грамматических системах которых налицо лишь одно буд. вр., оно обозначает действия, локализованные по темпоральной оси после интервала референции, который включает в себя момент речи – если используем темпоральную модель Райхенбаха (1947). Существуют однако и языки, в которых интервал темпоральной референции футуров не включает в себя момент речи, а является интервалом в плане прошлого и/ или в плане будущего. Такой случай засвидетельствован в болгарском языке, где у разных эвиденциалов налицо разное число футуров: в индикативе 4 будущие времена:

будущее время (futurum) – *ще пиша, няма да пиша* ‘я буду писать, я не буду писать’, *ще напиша, няма да напиша* ‘я напишу, я не напишу’ – интервал референции включает в себя момент речи, а действие локализовано после него;

в плане прошлого – **будущее в прошедшем (futurum praeteriti)** – *щях/нямаше да пиша, щях/нямаше да напиша* – интервал референции не включает в себя момент речи, так как он локализован в плане прошлого, а действие следует за интервалом референции в прошлом;

будущее предварительное в прошедшем (futurum exactum praeteriti) – *щях/ нямаше да съм писал, щях/ нямаше да съм написал* – исключительно сложное значение этого времени содержит два интервала референтности – R и R₁. Действие является будущим по отношению к R в прошлом, а результат действия одновременен с другим интервалом референции R₁, который является будущим по отношению к R – это результативное время;

в плане будущего – **будущее предварительное (futurum exactum)** – *ще съм писал/ нямаше да съм писал, ще съм написал/ нямаше да съм написал* – действие предшествует интервалу референции в будущем, а результат действия одновременен с этим будущим интервалом референции – это тоже результативное время.

У остальных эвиденциалов субсистема буд. времен формально и семантически редуцирована, так как одна парадигма используется для обозначения двух буд. времен, у которых отношение действия к интервалу референтности одно и то же, но интервалы референтности находятся в разных темпоральных планах – одна парадигма для будущего времени и для будущего в прошедшем, одна парадигма для будущего предварительного времени и для будущего предварительного в прошедшем. В этой работе мы занимаемся отношением между темпоральностью и модальностью лишь в будущем времени.

Болгарское буд. вр. может обозначить в нарративе и итеративные действия в темпоральном плане прошлого или будущего по отношению к моменту речи. Разница между этими случаями однако не только темпоральна, но и модальна – прошлые итеративные действия – реальные, а будущие итеративные действия связаны с некоторым возможным миром и в зависимости от контекста и семантики предложения могут различаться по своей вероятности превратиться в будущем в реальные действия. Прошлый темпоральный план текста определяется обычно употреблением имперфекта, которым обозначается точка зрения рассказчика (говорящего) о повторяющихся реальных прошлых событиях. Будущее повторительное, обычно СВ, представляет такие прошлые события с точки зрения участника-наблюдателя. Напр. *Като продадеше хляба на фурната, Ангел Колов тръгваше по улицата, при тоя еснаф **ще се отбие**, при друг **ще се отбие** на приказка, тук **ще изпуши** цигара, там **ще поседи*** (Й. Радичков) ‘После того, как он продавал хлеб в пекарне, А.К. отправлялся на улицу, к одному ремесленнику **зайдет**, к другому **зайдет** поговорить, здесь **выкурит** сигарету, там **посидит**.’

Если буд. вр. обозначает итеративные действия в плане будущего, нет возможности выражать обе точки зрения, так как действия ирреальны. Напр. *Всяка вечер **ще ходя** на разходка* ‘Каждый вечер **буду идти** гулять.’

Онтологически буд. вр. обозначает действия возможного мира. Если речь идет о действиях говорящего и связанных с ним лиц, очень часто футурная

форма представляет интенцию говорящего совершить действие в будущем, т.е. в моменте речи он убежден с большой, чаще стопроцентовой вероятностью, что это возможное действие превратится в реальное действие, напр. когда выражается обещание. Напр. *‘Утре ще ти се обадя и ще ти донесем книгите. ‘Завтра я позвоню тебе и мы принесем тебе эти книги.’*

Буд. вр. может выразить не только интенцию, но и предсказание о совершении действия или реализации процессов в будущем. Это связано с нашими знаниями в самом широком смысле слова – напр. знаниями об обществе и планированных там действий, знаниями о природе, о человеке и т.д. Напр. *Утре времето ще бъде слънчево* ‘Завтра погода будет солнечная’; *Платформата ще бъде представена на 14 април (vesti.bg)* ‘Платформа будет представлена 14-го апреля.’ В этих случаях вероятность превращения возможного мира в реальность обусловлена семантикой предложения и контекста.

Надо отметить, что при транспозиции в специальном контексте буд. вр. может обозначить и реальное действие. В этом случае проявляется старое модальное прошлое глагола хѣт\ті ‘хотеть’, так как подчеркивается, что обозначенное действие в прошлом или в настоящем совершается по желанию своего агенса (глагольного лица), а это действие порождает сильно отрицательное отношение говорящего. Напр. *И жена нали е – гледа се в огледалото, пише веждите си и се смее. – Какво ще се смее - казва сърдито бейт, – не знае ли какво има да стане?* (Й. Йовков) ‘И так как она – женщина, смотрит на себя в зеркале, рисует брови и смеется. – Почему смеется – говорит сердито бейт, не знает ли что будет?’

Очень специфично употребление буд. вр. в эхо-вопросах для обозначения возможного действия вместо реального действия в первом вопросе. Таким образом говорящий подчеркивает, что считает первый вопрос неуместным. Напр. *Кой е имал нещо срещу тебе? – Кой ще има нещо срещу мене? Никой, разбира се* (Б. Райнов) – ‘У кого было что-нибудь против тебя? – У кого **было бы/ могло бы быть** что-нибудь против меня? У никого, конечно.’

Буд. время может представить реальное действие как необходимое, обязательное по мнению говорящего в данной ситуации и контексте – снова появляется в значении модальный элемент из-за модального значения хѣт\ті ‘хотеть’, Напр. *Асен много работи. – Ще работи, като заплатата му е много малка.* ‘Асен очень работает. Он должен работать, нужно ему работать, так как его зарплата очень мала.’

Представление будущего действия как необходимого с точки зрения говорящего является причиной для употребления будущего времени с императивным значением, что часто и в других языках. Напр. – *Тогава ще се махнеш и ти! – кресна неочаквано майка му* (П. Вежинов) ‘Тогда **уберешься** и ты! – громко крикнула его мать неожиданно.’

Модальное значение глагола хѣт\ті 'хотеть' особенно ярко проявляется при таксисном употреблении будущего времени в сложных предложениях с придаточными предложениями времени и условия. Там буд. вр. выражает желанное агенсом будущее действие и противопоставляется настоящему времени, которое тоже обозначает будущее действие, но без подчеркивания признака *желание*. Ср. *Ако **ще** ходим на кино, трябва вече да излизаме* 'Если мы хотим пойти в кино, надо уже выходить' *Ако ходим на кино, трябва вече да трѣгваме* 'Если мы пойдем в кино, надо уже выходить.'

Как и в других и.-е. языках, буд. вр. может выразить и презумптивное значение, иногда сохраняя старую модальную частицу *да* в формах. Напр. *Кой е Василчо? **Не ще да е** тоя възстар човек, когото виждаше сега* (Й. Йовков) 'Кто Василчо? Это вероятно не этот пожилой человек, которого он теперь видел.'

Болгарское буд. вр. выражает множество семантических вариантов, что вообще характерно для футуров в общетипологическом плане. (см. Bybee et al. 1994: 243).

Литература:

- Bybee, J.L., Perkins, R., Pagliuca, W. (1994). *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago, London: The University of Chicago.
- Dahl, Ö. (1985). *Tense and aspect system*. Oxford, New York: Basil Blackwell Ltd.
- Reichenbach, H. (1947). *Elements o Symbolic Logic*. New York, London: MacMillan.

Existential Clauses in Kashubian: A Historical and Typological Analysis

MOTOKI NOMACHI, YAROSLAV GORBACHOV

Motoki Nomachi

Hokkaido University, Sapporo

mnomachi@slav.hokudai.ac.jp

In Slavic existential clauses, two verbs are involved: *be* and *have*. Using the distribution of these two verbs as a criterion, the Slavic (literary) languages could be classified roughly into four groups (Table 1). For the sake of simplicity, only the present tense forms are provided here:

Table 1. Distribution of *be* and *have* in existential clauses in Slavic: ‘*there is water*’ vs. ‘*there is no water*’

Group	Distribution of verbs affirmative/negative	Languages	Affirmative construction	Negative construction
1	be / no (predicative)	R (E)	R: est’ voda _{nom.}	R: net vody _{gen.}
2	be / have	Uk, Br (E), Pl (W)	Pl: jest woda _{nom.}	Pl: nie ma wody _{gen.}
3	be / be	Cz, Sk, †Pb (W), Sl (S)	Cz: je voda _{nom.}	Cz: není voda _{nom.} / / není Boha _{gen.}
4	have / have	BCMS, Bg, Mc (S)	BCMS: ima vode _{gen.}	BCMS: nema vode _{gen.}

R = Russian, Uk=Ukrainian, Br=Belarusian, Pl=Polish, Cz=Czech, Sk=Slovak, Pb=Polabian, Sl = Slovene, BCMS=Bosnian/Croatian/Montenegrin/Serbian, Bg=Bulgarian, Mc=Macedonian, E = East Slavic, W=West Slavic, S=South Slavic

This classification does not imply that the languages in the same group have absolutely identical distribution and usage(s) of the two verbs. It suffices to note that the genetic classification does not always coincide with the typological one.

The contemporary Kashubian language belongs to group 2 and the distribution of the two verbs is almost identical with that of standard Polish. In addition,

Kashubian has another existential with the verb *give* – most probably a calque of the German *es gibt* construction – that takes the following form:

Ni mészlou eż to dau le jana Buoga.
not think.3PL.PRS that it give.3SG.PST only one.ACC.SG god.ACC.SG

‘They do not think that there is only one God.’ (Taken from Lorentz 1905)

One of the most peculiar features of this construction in Kashubian is that it allows only the perfective form of *give*.

Thus far, this construction has been analyzed neither within Kashubian *per se* nor in the general Slavic context. In our presentation, the Kashubian *give*-existential will be analyzed in comparison with other existential clauses in Kashubian from synchronic and diachronic perspectives.

К типологии хиазма в славянских языках

БОРИС ЮСТИНОВИЧ НОРМАН

Белорусский государственный университет, Минск

boris.norman@gmail.com

Хиазм – преобразование речевой структуры, в результате которого образуется так называемый «косой крест»: на протяжении обозримого отрезка текста, чаще всего одного высказывания, две лексемы обмениваются своими синтаксическими позициями. Впрочем, с неменьшим правом можно утверждать, что это две синтаксические позиции обмениваются «принадлежащими» им лексемами.

Примеры хиазма, в том числе на материале славянских языков, хорошо известны и многократно описаны. Приведу здесь несколько экземпляров из собрания В. Даля «Пословицы русского народа»: *Молодец против овца, а против молодца и сам овца; Не по хорошу мил, а по милу хорош; Не ноги кормят брюхо, а брюхо – ноги* и т.п.

Хиазм – излюбленный прием у современных журналистов и пиарщиков, ср. заголовки и слоганы, ср. рус. *Спорт мира и мир спорта; Право силы исключает силу права; Поколение кризиса или кризис поколения; Человек не выбирает время – время выбирает человека; Мы открываемся миру – мир открывается нам*; польск. *Maty prawo do szczęścia, ale nie maty szczęścia do prawa; Rząd się wałęsa, a Wałęsa rządzi; Wtedy nie uważałaś, co robisz, teraz rób co uważasz.*

Хиазм – риторическая фигура, известная еще с античных времен. Можно рассматривать его также среди стилистических категорий: как особый случай синтаксического параллелизма или мотивированного лексического повтора. Но с позиций психолингвистики важно подчеркнуть, что перед нами – наглядное доказательство автономной работы языковых уровней в процессе речепорождения. Это значит, что выбранная говорящим синтаксическая модель может заполняться совсем не типичными для нее словами.

Нередко примеры хиазма в нашем сознании узуализируются настолько, что исходная часть (соответствующая «порядку вещей») может опустаться или даже забываться, а «перевернутая» приобретает вид стершейся

метафоры. Так, мы легко сегодня говорим: *Стены этого дома видели Пушкина* (хотя в основе лежит *Пушкин видел стены этого дома*), *Награда нашла своего героя* (вместо *Герой нашел свою награду*), *Хвост вертит собакой* (в ситуации, когда подчиненный манипулирует начальником), *Овцы съели людей* (английская поговорка о последствиях индустриальной революции), *Выбирай, что на тебя смотрит* (в ситуации активного выбора); *Книга ждет своего читателя* (очередной синтаксический перевертыш) и т.п.

Хиазм – универсальное языковое явление. Вместе с тем, в каждом славянском языке ему сопутствует свой набор предпосылок и условий. Это – наличие или отсутствие системы падежных форм, продуктивность словообразовательных моделей (например, относительных прилагательных), особенности словопорядка, семантика служебных слов и т.д.

В смысловом отношении хиазм предоставляет целую амплитуду преобразований: от «нулевых» (ср. рус. *красивый урод / уродливый красавец, идиотизм, доведенный до автоматизма / автоматизм, доведенный до идиотизма*; польск. *fundament lawowy / lawa fundamentowa, żarnik drutowy / drut żarnikowy* и т.п.) до кардинального приращения смысла. В последнем случае меняется распределение функций между участниками ситуации, происходит анимизация элементов среды, выявляются новые отношения в, казалось бы, давно и хорошо знакомом мире. Примеры: *Я люблю холод, но он меня не любит* (В. Набоков. Король, дама, валет); *Меня не любят вещи* (Ю. Олеша. Зависть); *Писателя делает скандал* (Д. Донцова. Гадюка в сиропе); *У сына родился отец. У внука рождается дед* (А. Битов. Пушкинский дом); *Не трожь человека, деревце, Костра в нем не разводи... Не бей человека, птица. Еще не открыт отстрел...* (А. Вознесенский. Роща)

Говорящий, отталкиваясь от реального мира, пытается создать свою, иную реальность – «наоборотный» мир. Через создание (моделирование) виртуальных ситуаций происходит обогащение концептуального инструментария и расширение горизонтов познания. Процедура хиазма, по-своему испытывая синтаксическую модель на прочность, одновременно расшатывает, разбалтывает сложившиеся когнитивные стандарты (стереотипы).

Poznámky k třídění příslovečných určení

JARMILA PANEVOVÁ
Univerzita Karlova, Praha
panevova@ufal.mff.cuni.cz

Účel kategorizace adverbialních určení může být didaktický, překladatelský, typologický popř. jde o další aspekty. Granularita této klasifikace je ovlivněna účelem. Základní kategorie: prostor, čas, způsob, kauzalita jsou sdíleny většinou i v normativních gramatikách a odrážejí se tak i ve školské výuce. Teoretický popis je spojen s jemnější klasifikací. Její potřeba, ale i její hranice budou v příspěvku ilustrovány na příkladu lokalizace objektu v prostoru a jejího vyjádření v češtině.

О контрфактивном плусквамперфекту и императиву у словенским језицима

ЉУДМИЛА ПОПОВИЋ
Универзитет у Београду
ljudmilapopovic@yahoo.com

Изрази попут (срп. дијал.) *било доћи на време; била се склонити; био раније устати; не бијаше трчати*; (пољ.) *było pomysleć wcześniej; było nie przychodzić*; (укр.) *було сказати; було не ходити* и сл. сведоче о постојању у различитим словенским језицима специјализованих граматичких конструкција за исказивање ретроспективно оријентисане деонтичке модалности која је пропраћена значењем контрфактивности. О томе да је у питању општесловенска појава сведочи распрострањеност наведених конструкција у различитим словенским језицима. У пољском, српском и украјинском језику структура описиване конструкције је иста: претерит помоћног глагола *бити* + инфинитив (у појединим српским дијалектима и *л*-партицип) у протази условне реченице, чија аподоза најчешће садржи потенцијал, са негацијом или без, нпр. (укр.) *Було прийти, то побачив би*. Помоћни глагол претежно је неконгруисан, али у различитим говорима српског језика може и да се конгруише са имплицитним субјектом реченице који се подудара са адресатом исказа, те је исказан контекстуалном нулом $0_{(S=Adr)}$ сор + inf: *била устати на време, ...* Субјекат се може јавити и у облику допуне како у протази, тако и у аподози реченице: *био ти устао на време, ...; Био устао на време, не би ти воз побегао; було тоби не ходити, ...* У појединим случајевима могуће је исказивање ретроспективне деонтичке модалности у вези са оним што је било неопходно учинити трећем лицу како не би дошло до развоја ситуације, која је описана у аподози реченице: *Био он гледати, ...* У херцеговачким говорима српског језика копулативни глагол се може јавити и у облику имперфекта, уз негацију: *Не бијаше трчати!* (детету које је трчало па пало).

Копулативни глагол *бити* у облику прошлог времена, перфекта или имперфекта у протази ове конструкције упућује на прошлост II степена јер време ситуације у протази претходи времену претпостављене ситуације у аподози, која је контрадикторна реалној прошлој ситуацији. Истовремено у конструкцији је јасно изражена деонтичка модалност, која је, међутим,

ретроспективно усмерена. Формални показатељ деонтичке модалности у овој конструкцији је облик инфинитива, који се у сва три наведена језика може користити за исказивање императивности.

Ова специфична конструкција у оквиру хипотетичког суда подсећа на контрафактивни плусквамперфект који се среће у неким словенским језицима, конкретно у украјинском, уп. *Якби був встав вчасно, то не запізнився б* и *Було встати вчасно, то не запізнився б*. Обе конструкције описују ситуацију (St_3) која је неуспешна у целини јер се од почетка није развијала у одређеном правцу, те није дошло до реализације друге ситуације (St_2) која је проистекла (\rightarrow) из претходне, а претходи у времену ($<$) комуникативној ситуацији (St_1), при чему се све време има у виду да је био могућ друкчији развој догађаја, када би ситуација St_3 водила ситуацији St_2 , која би претходила у времену говорној ситуацији St_1 :

$$St_2 < St_1 \\ St_3 \rightarrow St_2 < St_1$$

Разлика између контрафактивног плусквамперфекта и описиване конструкције је у томе да се у случају контрафактивног плусквамперфекта моделира макроситуација: ситуација St_3 *могла би* водити ситуацији St_2 , а у случају контрафактивног императива – ситуација St_3 *требало је* да води ситуацији St_2 , тј. у конструкцији коју разматрамо у овом раду хипотетичка модалност се удружује са деонтичком.

Анализа показује да се ради о хибридној конструкцији у којој је дошло до контаминације контрафактивног значења плусквамперфекта, које је исказано копулом у облику прошлог времена (пољ., укр.), као и крњег перфекта или имперфекта (срп.), и деонтичке модалности. Такав исказ се може сматрати конструкцијом *контрафактивног императива*, у којој долази до прожимања глаголских категорија времена и начина, при чему је категорија времена доминантна, а категорија начина рецесивна. Проблем аномалног функционалног споја временског облика плусквамперфекта, који припада плану прошлости и императива, који у целини припада ФСП футуралности, разрешава реинтерпретација временског облика плусквамперфекта као контрафактивног, што га преводи у иреалис, којем припада и императив. С друге стране, и императив се реинтерпретира у правцу контрафактивности. Контрафактивни императив описује догађај који је, по говорниковом мишљењу, требало иницирати саговорнику или трећем лицу како би дошло до друкчијег развоја ситуације, описане у другом делу конструкције: *Била се склонити, па те не би ударило по леђима; Було спитати, то не блудив би*.

У раду су детаљно размотрене варијанте описиване конструкције у различитим словенским језицима.

Литература:

- Мальчуков, А.Л. (2015). Храковский, В.С., *Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора*. „Вопросы языкознания” 6, 9–32.
- Плунгян, В.А. (2004). *О контрафактических значениях плюсквамперфекта*. У.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.У. Урманчиева (eds.), *Irrealis and Irreality*. Moscow: Gnosis, 273–291.
- Попович, Л. (2012). *Граматичні та семантичні функції плюсквамперфекта в сучасній українській мові*. Акцентологія. Етимологія. Семантика. До 75-річчя академіка НАН України В.Г. Скляренка. Київ, 653–673.
- Поповић, Љ. (2012). *Функције плусквамперфекта у савременом српском и украјинском језику*. „Јужнословенски филолог” LXVIII, 113–145.
- Сичинава, Д.В. (2004). *К проблеме происхождения славянского условного наклонения*. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.), *Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность*. Москва: Гнозис, 292–313.
- Сичинава, Д.В. (2013). *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. Москва: Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, АСТ-ПРЕСС.
- Храковский, В.С. (1990). *Повелительность*. // А.В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука, 185–238.
- Храковский, В.С. (отв. ред.). (1992). *Типология императивных конструкций*. Санкт-Петербург: Наука.
- Dahl, Ö. (1997). *The relation between past time reference and counterfactuality: a new look*. А. Athanasiadou, R. Dirven (eds.), *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 97–114.
- Pešikan, M. (1965). *Starocrnogorski srednjokatunski i lješanski govori*. „Srpski dijalektološki zbornik” 15.
- Pižurica, M. (1981). *Govor okoline Kolašina*. Titograd: Crnogorska akademija nauka i imjetnosti.
- Topolińska, Z. (1966). *O kategoriach gramatycznych polskiego imperativu*. „Język Polski” XLVI/3, 167–173.
- Topolińska, Z. (2008). *Z Polski do Macedonii. Studia językoznawcze*. T.1. *Problemy predikacji*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.

Глаголы с префиксом *за-*: можно ли выделить семантику префикса?

TILMANN REUTHER
Alpen-Adria-Universität Klagenfurt
Tilmann.Reuther@aau.at

Семантике префикса *за-* посвящен раздел в АГ 1970, § 617, 259–260, где выделяются десять типов глаголов с этим префиксом. Это глаголы со следующими значениями (здесь, и в дальнейшем, примеры цитируются не полностью и не в том порядке, как в источнике; кроме того, подчеркнуты те глаголы, которые представлены в АС 3, 2017 самостоятельными словарными статьями):

- 1) «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, поместить(ся), переместить(ся) за что-н., в какое-н. место, иногда отдаленное»: *завести, загнать, заехать, залететь, заплыть, заполнить; задвинуть, запихать, запихнуть, запрыгнуть*;
- 2) «попутно, мимоходом совершить действие, н. м. г. (здесь и далее: названное мотивирующим глаголом); ненадолго отклониться от основного направления действия»: *забежать, завести, заехать, зайти, залететь, занести*;
- 3) «покрыть(ся), закрыть(ся) чем-либо с помощью действия, н.м.г.»: *закапать, замазать, застроить, зацвести, заштукатурить*;
- 4) «довести до нежелательного состояния (негодности, утомления, истерзанности и т. п.) с помощью действия, н.м.г.»: *заводить, загонять, заездить, закатать; загубить, задразнить, залечить, замучить*;
- 5) «добыть, получить, захватить что-н., посредством действия, н.м.г.»: *завоевать, заработать, заслужить*;
- 6) «распространить, действие, н.м.г., на часть предмета»: *замыть, запилить*;
- 7) «начать действие, н.м.г.: *заползать; загреметь, запáхнуть, затаницевать*;
- 8) «действие, н.м.г., совершить заранее, заблаговременно, впрок»: *заготовить, запроектировать, запродать*;
- 9) «действие, н. м. г., совершить сразу после другого действия»: *запить, заесть*;
- 10) «совершить (довести до результата) действие, н. м. г.»: *завизировать, загустеть, заминировать, зачерстветь, зашифровать*.

Все типы, кроме девятого, объявлены продуктивными, или проявляющими продуктивность в разговорной речи и/или просторечии.

Из вышеприведенных глаголов рассмотрим те (ср. подчеркнутые), которые представлены вокабулами в АС 3, 2017, прежде всего т.н. глаголы движения: ЗАБЕЖАТЬ, ЗАВЕСТИ, ЗАГНАТЬ, ЗАЕХАТЬ, ЗАЙТИ, ЗАЛЕТЕТЬ, ЗАНЕСТИ, ЗАПЛЫТЬ. Так, например, глагол ЗАЕХАТЬ имеет в АС 3, 2017, 518-519 семь значений, а из них только два более или менее эквивалентны указанным выше значениям префикса **за-**:

заехать 1.1 'Человек А1, ехавший на транспортном средстве А2 из места А4 в какое-то другое место, по пути к нему переместился в место А3 с промежуточной целью А5 на время А6, обычно короткое' *по дороге домой заехать в институт* – это примерный эквивалент значения **за-2** из АГ 70.

заехать 1.2 'Человек А1 на транспортном средстве А2 переместился в более высоко расположенное место А3' *заехать на эстакаду*.

заехать 1.3 'Транспортное средство А1 переместилось из места или пространства А3 в более замкнутое место или пространство А2, обычно не являющееся конечной целью его перемещения' *Грузовик заехал во двор*.

заехать 2.1 'Перемещаясь на транспортном средстве А2, человек А1 попал в место А3, отличное от того, в которое он хотел попасть, и часто такое, что из него трудно выехать и по нему трудно ехать' *заехать в овраг*

заехать 2.2 'Человек А1, перемещаясь на транспортном средстве А2, оказался по другую сторону объекта А3 и, возможно, перестал быть видимым наблюдателю' *заехать за дом* – это примерный эквивалент значения **за-1** из АГ 70.

заехать 3 'Человек А1, приобретя или получив в свое пользование помещение А2 и перевезя туда нужные ему вещи, стал в нем жить или работать' *заехать в новую квартиру*

заехать 4 'Человек А1 сильно ударил человека А3 по части А2 его тела частью своего тела или предметом А4' *заехать кому-л. по морде*.

Если исключить из дальнейшего рассмотрения лексемы **заехать 3** и **заехать 4**, представляющие собой из-за отсутствия семантического моста омонимы, и сопоставить остальные лексемы **заехать 1.1** по **заехать 2.2** «параллельными» значениями глагола ЗАЙТИ (ср. ниже), то обращает на себя внимание следующее: Пяти лексемам *заехать* противопоставлены семь лексем *зайти*, а именно:

зайти 1.1 'Идя, человек А1 переместился из места А3 в место А2 с целью А4 на время А5, обычно короткое' *зайти на минутку*

зайти 1.2 'Человек А1 пешком переместился из пространства А3 в более замкнутое пространство А2 или внутрь помещения А2, часто с целью А4' *зайти в свой кабинет*.

зайти 1.3 ‘Человек А1 с помощью компьютера или другого подобного устройства как бы переместился в виртуальное пространство А2 или в точку А2 виртуального пространства’ *зайти в Интернет*

зайти 1.4 ‘Плывя, судно или существо А1, обитающее в воде, переместилось из водного пространства А3 в более замкнутое водное пространство А2’ *зайти в протоку*

зайти 2 ‘Идя, человек или животное А1 попали в место А2, отличное от того, в которое они хотели *зайти вглубь леса*

зайти 3.1 ‘Идя, человек А1 оказался по другую сторону объекта А2 и, возможно, перестал быть видным наблюдателю’ *зайти за кресло*

зайти 3.2 ‘Идя, человек А1 пересек линию А2 или оказался по другую сторону преграды А2, чем нарушил правило или запрет’ *зайти за флажки*

Если теперь провести параллель только между ‘пешим передвижением человека’ и его ‘передвижением на транспортном средстве’, то из поля рассмотрения выпадают лексемы **зайти 1.3**, **зайти 1.4** и **заехать 1.3**. Тем не менее, даже при таком ограничении значения *зайти* и *заехать* не изоморфны. В нижеследующей таблице приведены в первых трех столбцах соответствующие лексемы *заехать* и *зайти* из АС 3, 2017, а также относящиеся сюда значения префикса *за-* из АГ 1970. В четвертом столбце предлагается такое толкование лексем, которое обеспечивает параллелизм значений лексем с мотивирующими основами *ехать* и *идти* в нужном объеме.

<p>заехать 1.1 ‘Человек А1, <u>ехавший на транспортном средстве А2</u> из места А4 в какое-то другое место, по пути к нему переместился в место А3 с промежуточной целью А5 на время А6, обычно короткое’ <i>по дороге домой заехать в институт</i></p>	<p>за-2 из АГ 70: «попутно, мимоходом совершить действие, названное мотивирующим глаголом; ненадолго отклониться от основного направления действия»</p>	<p>зайти 1.1 ‘Идя, человек А1 переместился из места А3 в место А2 с целью А4 на время А5, обычно короткое’ <i>зайти на минутку</i></p>	<p>‘Человек А1, двигаясь на своих ногах / на транспортном средстве Т из места А3 в какое-то другое место или в место А2, по пути к нему переместился в место А4 с промежуточной целью А5 на время А6, обычно короткое’</p>
<p>заехать 1.2 ‘Человек А1 <u>на транспортном средстве А2</u> переместился в более высоко расположенное место А3’ <i>заехать на эстакаду</i></p>		<p>зайти 1.2 ‘Человек А1 <u>пешком</u> переместился из пространства А3 в более замкнутое пространство А2 или внутрь помещения А2, часто с целью А4’ <i>зайти в свой кабинет</i></p>	<p>‘Человек А1, двигаясь на своих ногах / на транспортном средстве Т из места А3 в более замкнутое место А2, часто с целью А4’</p>

<p>заехать 2.1 <u>‘Перемещаясь на транспортном средстве А2, человек А1 попал в место А3, отличное от того, в которое он хотел попасть, и часто такое, что из него трудно выехать и по нему трудно ехать’</u> <i>заехать в овраг</i></p>		<p>зайти 2 <u>‘Идя, человек или животное А1 попали в место А2, отличное от того, в которое они хотели зайти вглубь леса</u></p>	<p>‘Человек А1, двигаясь <u>на своих ногах / на транспортном средстве Т</u>, попал в место А2, отличное от того, в которое он хотел попасть’</p>
<p>заехать 2.2 ‘Человек А1, <u>перемещаясь на транспортном средстве А2</u>, оказался по другую сторону объекта А3 и, возможно, перестал быть видным наблюдателю’ <i>заехать за дом</i></p>	<p>за-1 из АГ: «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, поместиться, переместиться за что-н., в какое-н. место, иногда отдаленное»</p>	<p>зайти 3.1 <u>‘Идя, человек А1 оказался по другую сторону объекта А2 и, возможно, перестал быть видным наблюдателю’</u> <i>зайти за кресло</i></p>	<p>‘Человек А1, двигаясь <u>на своих ногах / на транспортном средстве Т</u>, оказался по другую сторону объекта А2 и, возможно, перестал быть видным наблюдателю’</p>
		<p>зайти 3.2 <u>‘Идя, человек А1 пересек линию А2 или оказался по другую сторону преграды А2, чем нарушил правило или запрет’</u> <i>зайти за флажки</i></p>	<p>‘Человек А1, двигаясь <u>на своих ногах / на управляемом им транспортном средстве Т</u>, пересек линию А2 или оказался по другую сторону преграды А2, чем нарушил правило или запрет’</p>

Суммируя сказанное, можно констатировать следующее:

- 1) По отношению к мотивирующим глаголам *ехать* и *идти*, семантика префикса *за-* поддается определению на языке толкования Московской семантической школы и используемой при разработке АС.
- 2) Предложенные в четвертом столбце таблицы толкования представляют попытку усовершенствовать и унифицировать материал из АС 3, 2017.
- 3) Полученные толкования представляют собой уточнение предложенных в АГ 1970 толкований.
- 4) Полученные толкования следует проверить на примерах с другими мотивирующими глаголами, в частности, из сферы т.н. глаголов движения.

- 5) Префикс ЗА- представляет собой языковой знак, заслуживающий полноценное описание в виде словарной статьи и/или раздела грамматики в рамках интегрального описания русского языка и модели «Смысл ⇔ Текст».

Литература:

АГ 1970 = *Грамматика современного русского литературного языка*. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Академия наук СССР. Институт русского языка. Москва: Наука.

АС 3, 2017 = *Активный словарь русского языка*, т. 3, Д–З. Редакторы тома: В.Ю. Апресян, И.В. Галактионова, Б. Л. Иомдин. Под общим руководством академика РАН Ю.Д. Апресяна. Нестор-История, Москва - Санкт-Петербург.

Именные причинные конструкции в славянских языках: пилотное корпусное исследование¹

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ САЙ

Институт лингвистических исследований РАН

serjzhka@yahoo.com

По именными причинными конструкциями понимаются такие конструкции, в которых событие-следствие выражено при помощи полноценной клаузы, а событие-причина синтаксически представлено в виде именной группы, в обычном случае в сочетании с определенными зависимостными маркерами (*старик вскрикнул от боли; он не пришел из-за недостатка времени*). В славянских языках именные причины обычно выражаются при помощи предложно-падежных сочетаний, чуть реже – при помощи падежных форм имени.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на корпусном материале проследить основные закономерности в распределении средств маркирования именных причин в славянских языках и установить сходства и различия между соответствующими языковыми подсистемами.

Отправной точкой стали накопленные в литературе представления о семантических признаках, которые могут противопоставлять именные причинные конструкции в славянских и других языках [Иорданская, Мельчук 1996; Левонтина 2003; Degand 2010]. К числу важнейших из таких признаков относятся следующие: 1) внутренняя (*напился с горя*) vs. внешняя (*задержались из-за плохой погоды*) причина; 2) непосредственная (*покраснел от напряжения*) vs. опосредованная (*опоздали из-за Васи*); 3) объективная (*заснул от усталости*) vs. субъективная причина, т. е. причина-мотив (*помог из жалости*).

В качестве материала преимущественно использовались данные параллельного корпуса PARASOL (<http://www.parasolcorpus.org>), в отдельных случаях привлекались дополнительные свидетельства. В результате работы с корпусом была создана база эквивалентных предложений с именными

¹ Исследование поддержано грантом РФФ 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология» (руководитель В.С. Храковский).

конструкциями причины на 11 славянских языках (русский, белорусский, украинский, польский, чешский, словацкий, словенский, хорватский, сербский, македонский, болгарский). Качественный и количественный анализ собранных данных позволил сделать следующие предварительные выводы.

Первообразные предлоги и падежи в первую очередь ассоциируются со значениями из зоны непосредственных и/или внутренних причин, при этом репертуар соответствующих единиц в славянских языках весьма стабилен. В большей части языков для выражения таких причин используются предлоги элативной зоны, что типологически вполне закономерно [Yamaguchi 2004]². Эти предлоги распадаются на две семантико-этимологических группы: первую группу образуют рус. *от* и его когнаты в других языках, а вторую — русские *из* и *с* (в сочетании с родительным падежом) и их когнаты (часто совпавшие в один предлог). Распределение между этими двумя зонами образуют две иерархии: семантическую и кросс-лингвистическую.

В рамках семантической иерархии *от* и его когнаты ассоциируются с наиболее непосредственными причинами, для которых характерно отсутствие дистанции в пространстве и времени и отсутствие промежуточных звеньев в каузальной цепочке. В предельном случае эта зона смыкается со значениями физического контакта (ср. мокрый *от слез*, пол. *wilgotny od łez*, хорв. *vlažan od suza* и т.д.). Предлоги, этимологически связанные с рус. *из* и / или *с*, ассоциируются с более сложными каузальными цепочками, включая причины-мотивы (ср. Буфетчик *из вежливости положил кусочек в рот*; чеш. *Andrej Fokič ze zdvořilosti vložil kousek masa do úst*; слв. *Iz vljudnosti si je točilničar zanesel košček v usta*). Однако граница между этими двумя зонами проходит в разных славянских языках по-разному, что и позволяет построить кросс-лингвистическую иерархию. На одном полюсе находится болгарский, где *от* покрывает максимально широкую семантическую зону, а на другом — польский, где максимальна зона, обслуживаемая предлогом *z*. Между двумя полюсами находятся языки с более дифференцированными системами.

Причины-мотивы по средствам выражения во многих языках смыкаются с разного рода внешними причинами, включая причины-объяснения. Интересно, что именно такие конструкции часто находятся в центре внимания в литературе по причинным конструкциям, возможно, из-за важности причинно-следственных отношений для построения научной картины мира. Между тем языковые данные славянских языков однозначно указывают на периферийный статус конструкций, выражающих сложные причинно-следственные отношения между событиями. Во-первых, эту

² Здесь для простоты не рассматриваются участие в конкуренции показателей инструментальной зоны, например, творительного падежа в чешском.

зону по преимуществу обслуживают вторичные (производные) предлоги. Одно из немногих исключений – предлоги пролативной семантики (ср. пол. *Ginę przez moją miłość*, укр. *Я гину через любов* ‘Я погибаю из-за любви’); однако и в семантике этих предлогов заложена идея промежуточной точки, препятствия, т.е. более сложное значение, чем у большинства пространственных предлогов, имеющих причинное значение. Во-вторых, эти предлоги демонстрируют огромное этимологическое разнообразие, как в рамках отдельных языков, так и при межъязыковом сопоставлении: *из-за* полного отсутствия эмоциональности мадам Гаяр обладала беспощадным чувством порядка, укр. *завдяки своїй абсолютній черствості...*, слов. *zaradi njene popolne brezčutnosti...*, хорв. *zbog potpunog nedostatka emocija...* и т.д.

Общий вывод, полученный при анализе распределения именных причинных конструкций состоит в том, что несмотря на значительное несовпадение материальных показателей этих конструкций в отдельных славянских языках, система самих семантических параметров, регулирующих выбор между различными конструкциями, остается для славянских языков сравнительно стабильной. Еще один вывод состоит в том, что распределение именных причинных показателей слабо коррелирует с привычным делением славянских языков на три генеалогических ветви.

Литература:

- Иорданская, Л.Н., Мельчук, И.А. (1996). *К семантике русских причинных предлогов* // „Московский лингвистический журнал” 2, 162–211.
- Левонтина, И.Б. (2003). ИЗ-ЗА 4, ИЗ 8.1, ОТ 6, разг. ПО 1.7, разг. С 1.10, устар. или канц. ЗА 11.8, БЛАГОДАРЯ, книжн. ПО ПРИЧИНЕ, книжн. ВСЛЕДСТВИЕ, необиходн. В РЕЗУЛЬТАТЕ, офиц. ВВИДУ, книжн. В СИЛУ ‘по той причине, что’ // *Новый объяснительный словарь русского языка* / под ред. Ю. Д. Апресян [и др.]. Москва: Школа «Языки славянской культуры», 430–437.
- Degand, L. (2000). *Causal connectives or causal prepositions? Discursive constraints* // „Journal of Pragmatics” 32, 687–707.
- Yamaguchi, K. (2004). *A Typological, historical and functional study of adpositions in the languages of the world*. Doctoral dissertation, University of Albuquerque.

Проницаемость языковых систем – на примере болгарского языка и его диалектов

HELMUT WILHELM SCHALLER

Philipps-Universität Marburg

schalleh@staff.uni-marburg.de

Грамматический строй, как известно, в любом языке является гораздо больше устойчивой его частью. Прежде всего фонетическая система заслуживает вопрос возможной проницаемости грамматического строя болгарского языка включая так называемый македонский язык и его говоры с помощью материала лексических заимствований. Если заимствования лексических образований из одного языка в другой являются обычными и осуществляются по звуковым закономерностям заимствующего языка, заимствования отдельных морфем, именно грамматических морфем, признаются в языкознании исключительно редко и кажется даже маловероятным. Грамматические категории проникают из одного языка именно из неиндоевропейского турецкого языка в другой, именно болгарский, как индоевропейский и славянский, южнославянский и балканский язык в довольно системном виде в пределах определенности существительных посредством постпозитивных членов в трех возможных формах именно „книга/ книгата/ книгава / инигана” соответствующие данным турецкого языка. Тот же самый вопрос возникает в различных образованиях степеней сравнения, например „добър/ по добър/ най добър”, может быть, тоже по образу турецкого языка. Образование форм пересказывательного наклонения болгарских глаголов можно также сравнить с соответственной глагольной категорией турецкого языка.

Adjektiva hněvu v češtině, ruštině a polštině

KAROLÍNA SKWARSKA

Slovanský ústav AV ČR

skwarska@slu.cas.cz

Cílem příspěvku je představit morfologické, syntaktické a sémantické vlastnosti adjektiv s významem hněvu v češtině, ruštině a polštině. V jednotlivých jazycích již bylo dané sémantické pole do jisté míry analýze podrobena (srov. např. Mi-kołajczuk 1999), významný však bude aspekt komparativní s možným stanovením mezijazykových ekvivalentů. Zaměříme se na schopnost daných adjektiv vytvářet opozici jmenných a složených tvarů, na jejich valenci i možnou sémantickou klasifikaci doplnění (srov. např. Гращенко – Кобозева 2017). Významné jsou také stylové charakteristiky jednotlivých adjektiv. Jako zdroj materiálu poslouží výkladové, překladové, synonymické a další slovníky, jednojazyčné i paralelní korpusy.

Literatura:

Mi-kołajczuk, A. (1999). *Gniew we współczesnym języku polskim*. Warszawa: Wydawnictwo Energeia.

Гращенко, П.В., Кобозева, И.М. (2017). *Семантические классы и управление прилагательных*. In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 16, т. 2. [On-line: http://www.dialog-21.ru/media/3983/dialogue2017_v2.pdf]

Остаться с носом и без носа – размышления по поводу автоантонимов

HANNU TOMMOLA

University of Tampere

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

hannu.tommola@uta.fi

Поведение – или скорее контекстуальные значения – глагола с основным значением ‘остаться’ во многих языках предстает несколько парадоксальным. И этимологическая связь между русск. *стать* и *остаться* кажется очевидным, и наблюдается также, например, в германских языках (ср. шведск. *bli* ‘стать/становиться’ и *förbli* ‘оста(ва)ться’. См. русские примеры:

- (1) Куда вы спешите? **Останьтесь!**
- (2) Tylko u samego zenitu niebo **było jeszcze** zawzięcie rude. (Lem)/ Только у самого горизонта небо упорно **оставалось** рыжим.
- (3) ... teoria ..., która, choć porzucona jako fałszywa, **pozostała** wspaniałym wzorem myślowego rozmachu i logicznego konstruktorstwa. (Lem) / ... теория ..., которая, хоть и была отвергнута как ложная, все же **осталась** великолепным примером интеллектуального размаха и логики.
- (4) Ребёнок **остался** сиротой.

Стоит ли нам рассмотреть глагол *остаться* (*оставаться*), ряд функций которого иллюстрированы выше в примерах (1) по (4), как полисемичный? Или даже признать его в некоторых его использованиях энантиосемичным? Ведь кажется, что в (1) он синонимичен глаголу *остановиться*; в (2) его можно парафразировать словами *быть еще* (как видно из польского текста оригинала); в (3) же синонимичным оказывается *явилась*, а в (4) с помощью его как будто выражается событие типа достижения, изменение состояния субъекта.

При обсуждении статуса разных оттенков значения глагола *остаться* уместно обратить внимание к самому понятию так наз. энантиосемии, явлению автоантонимии (обычно внутрисловной антонимии, хотя такие случаи встречаются и в синтаксисе).

В русском языке в качестве лексических примеров известны, например, *буквально* и *учить*; отмеченное в болгарском языке *сигурно* ‘наверно’

и 'несомненно', имеет параллели во многих других языках (напр. немецк. *sicher, gewiß*, финск. *varmastі/varmaan* и т.д.). Интересны в разных языках наречия и именные группы, употребляющиеся в позиции обстоятельсва времени, причем с отнесенностью либо к будущему, либо прошедшему временному плану (ср. русск. *сейчас*, франц. *tout à l'heure*).

Особенности относительных придаточных предложений в современной русской разговорной речи: отклонения от нормы или самостоятельные конструкции?

DANIEL WEISS

Universität Zürich, Lehrstuhl für slawische Sprachwissenschaft

dawe@slav.uzh.ch

В докладе рассматриваются разные типы нестандартных относительных придаточных предложений в русской разговорной речи. Анализ материала построен по следующим критериям: 1. Опускание вершины (главы) придаточного, 2. Опускание относительного местоимения, 3. Опускание обоих компонентов. Учитываются также изменение порядка компонентов, в частности перемещения местоимения *который*, и употребление резюмирующих местоимений. Данная структура изложения соблюдается сначала при разборе литературы предмета, а затем опираясь на собственные данные, извлеченные из хрестоматии “Живая речь уральского города” (сост. И. Шалина 2011 г.). Своей разнородностью и структурными архаизмами, не отраженными в существующей литературе, эти данные представляют несомненный интерес. В конце дается краткий обзор стратегий построения относительных придаточных в разговорных разновидностях других славянских и остальных европейских языков. Этот обзор позволяет вывод, что русская разговорная речь отличается двумя исключительными особенностями: возможностью опускания вершины и совместного опускания вершины и местоимения. На фоне мировой картины, однако, эти черты не выглядят уж так экзотично.

Propozycja karty semantycznej struktur apprehensywnych

BJÖRN WIEMER

Johannes Gutenberg-Universität Mainz
wiemerb@uni-mainz.de

W swoim referacie postaram się streścić stan wiedzy o strukturach związanych z semantyką apprehensywności na materiale słowiańskim. Przez tę semantykę rozumiem grupę znaczeń różnych konstrukcji, które jednoczy wspólne występowanie obu następujących komponentów semantycznych:

1. epistemiczny (tj. odniesiony do wiedzy):

‘Sądzę, że bardzo prawdopodobne jest, że sytuacja S miała miejsce / zaraz będzie miała miejsce / akurat ma miejsce.’

2. wolitywny (tj. odniesiony do woli):

‘Nie chcę, aby S, lub jej skutki, miała/miały miejsce.’

(Zob. Lichtenberk 1995, Holvoet 2010, Plungjan 2011: 448 i nast.)

Por. polskie konstrukcje typu (1a) i (1b):

(1a) *Boję się, żebyś czegoś w pokoju nie potrącił.*

(1b) *Nie potrąć (czasem, przypadkiem) czegoś w pokoju!*

(Konstrukcje z czasownikiem dokonanym w formie rozkaznika (lub konstrukcje zastępcze) pod negacją były omawiane pod nazwą ‘prewentywów’ (Birjulin 1992; 1994, Birjulin/Xrakovskij 1992, Laskowski 1998, Xrakovskij 2001).

Związek semantyczny powyższych dwóch typów i relewantność materiału z języków słowiańskich na tle typologicznym pokazała dotąd w pierwszej kolejności [Dobrušina 2006]; w moim referacie jej analiza zostanie uzupełniona głównie o materiał południowosłowiański i o rozważenia dotyczące najbardziej „śliskiego” typu, który jednak dobrze „widać” w języku polskim, a mianowicie struktury ze spójnikami adwersatywnymi (por. 2) lub metatekstowym *bo* (por. 3; zob. [Kawka 1988, Mendoza 2003]):

(2) ros. *Мама сказала – поднимись к ним, отнеси ему что-нибудь. А то они там опять все напьются и забудут про него.*

(3) pol. *Zamknij drzwi, **bo** wszyscy nas usłyszą.*

Streszczenie wiedzy o tego rodzaju konstrukcjach w językach słowiańskich posłuży jako punkt wyjścia, by zbudować kartę semantyczną znaczeń związanych z apprehensywnością. Takie znaczenia można znaleźć w pierwszej kolejności (a)

w zdaniach celowych pod negacją (por. 1c-1d), (b) w użyciu czasowników dokonanych w czasie nieprzeszłym o zawieszonej asercji (por. 4–5):

(1c) pol. *Poruszał się ostrożnie, żeby czegoś nie potrącił / żeby czegoś nie potrącić.*

(1d) pol. *Pilnuj się / Uważaj, żebyś nie potrącił / żeby nie potrącić czegoś w po-
koju!*

(4) pol. *Nie dotkniesz dziecka! (≅ Nie dotykaj dziecka!)*

(5) bułg. *Да не ме забравиш! (≅ Не ме забравяй!)*

W budowaniu karty zostaną uwzględnione zarówno semantyczne relacje między wymienionymi typami konstrukcji, jak też możliwości ich kombinacji lub zanurzenia.

Ponadto dotychczasowa analiza naprowadza na myśl, że typy (1a) i (1b) w językach południowosłowiańskich są od siebie słabiej oddzielone niż w językach północnosłowiańskich (zob. już [Ivić 1958, Zorikhina Nilsson 2013]), natomiast możliwość oddzielenia czasu przyszłego od nieaktualnego czasu teraźniejszego w językach południowo-, zwłaszcza bałkanosłowiańskich (por. opozycję partykuł *da* vs bułg. *šte*, mak. *ќе*) pozwala na rozróżnianie różnych typów zdań o zawieszonej asercji, z których tylko te wprowadzane przez *da* „korelują” ze strukturami aprehensywnymi.

Literatura:

- Birjulin, L.A. (1992). *Semantika i pragmatika russkogo preventiva*. „Russian Linguistics” 16–1, 1–22.
- Birjulin, L.A. (1994). *Semantik i pragmatika russkogo imperativa*. Helsinki: Helsinki U.P.
- Birjulin, L.A. & Xrakovskij V.S. (1992). *Povelitel'nye predloženia: problemy teorii*. In: Xrakovskij, Viktor S. (ed.), *Tipologija imperativnych konstrukcij*. Sankt-Peterburg: Nauka, 5–50.
- Dobrušina, N.R. (2006). *Grammatičeskie formy i konstrukcii so značenjem opasenija i predostereženija*. „Voprosy jazykoznanija” 2, 28–67.
- Holvoet, A. (2010). *Notes on complementisers in Baltic*. In: Nau, Nicole & Norbert Ostrowski (eds.), *Particles and Connectives in Baltic (= Acta Salensia II)*. Vilnius: Vilniaus universitetas / Asociacija „Academia Salensis”, 73–101.
- Ivić, M. (1958). *Slovenski imperativ uz negaciju*. *Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Radovi X. Odjelenje istorisko-filoloških nauka*, knj. 4, 23–44.
- Kawka, M. (1988). *Bo metatekstowe*. „Polonica” XIII, 65–83.
- Laskowski, R. (1998). *Semantyka trybu rozkazującego*. „Polonica” XIX, 5–29.
- Lichtenberk, F. (1995). *Apprehensional epistemics*. In: Bybee, Joan & Suzanne Fleischman (eds.), *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 293–327.

- Mendoza, I. (2003). „Pragmatische Begründungen“ im Polnischen. In: Geist, Ljudmila & Robert Hammel (eds.), *Linguistische Beiträge zur Slavistik X*. München: Sagner, 174–191.
- Plungjan, V.A. (2011). *Vvedenie v grammatičeskiju semantiku: grammatičeskie značenija i grammatičeskie sistemy jazykov mira*. Moskva: Izd-vo RGGU.
- Xrakovskij, V.S. (2001). *Typology of imperative constructions*. München etc.: Lincom.
- Zorikhina N., Nadezhda. (2013). *The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings*. In: Josephson, Folke & Ingmar Söhrman (eds.), *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 79–106.

Внутрішньо- і зовнішньовідмінковий статус вокатива: типологія виявів

АНАТОЛІЙ ПАНАСОВИЧ ЗАГНІТКО

Донецький національний університет імені Василя Стуса

a.zagnitko@gmail.com

Сучасний український вокатив потребує розгляду в еволюційно-проспективному, формально-граматичному, семантико-синтаксичному, функційно-комунікативному вимірах. Еволюційно-проспективний розгляд уможлиблює встановлення сутності вокатива в різні періоди розвитку граматичного ладу та встановлення закономірностей реалізації його навантажень у внутрішньовідмінковій та позавідмінковій системі, окреслення його еволюційної динаміки й силового чи вольового обмеження. У першому випадку наявний поступовий розвиток морфологічної форми з її репрезентацією в різних стилістичних диференціаціях. Природним розвиток українського вокатива поставав до 30-х років ХХ ст., до тих пір, поки в нових правописних правилах не було сформульовано чіткі обмеження на його використання. Аналізуючи поступ української правописної практики, розмежовують: 1) давньоукраїнський (Х–ХІV ст.); 2) староукраїнський (остання чверть ХІV–ХVІІІ ст.); 3) новоукраїнський (ХІХ–ХХІ ст.), з-поміж яких природний розвиток вокатива було перервано в останньому періоді.

На загальнослов'янському тлі вокатив із послідовною формальною реалізацією відомий у болгарській, верхньо- та нижньолужицькій, польській, словацькій, українській та чеській граматичних системах.

У формально-граматичному вимірі внутрішньовідмінковий вияв вокатива актуалізований через співвідношення і/чи неспіввідношення з іншими відмінковими формами. Найпослідовніше вокатив найбільшою мірою корелює з називним (номінативом): «*Ідіть до гурту. **Петре** Петровичу, годі вже вам шопотітись*» (В. Винниченка); «***Петро**, зачекай нас*» (А. Дімаров)). Ще в античні часи вокатив уважали другим відмінком поряд із називним, а в александрійських граматиках він поставав п'ятим відмінком у п'ятикомпонентній системі (Діонісій Тракійський). А. Шлейхер свого часу кваліфікував його як форму речення (Satzform), а у Ф. Боппа вокатив постає не відмінком, а іменником – у формі оклику, тому у своїй формі навіть не є повноцінним словом (пор., наприклад, розгляд вокатива Г. Курціусом).

Для О. Потєбні вокатив і номінатив мають постійні функції в реченні, а їхня відмінність полягає в більшому функційному діапазоні номінатива, його спроможності.

У формальному вимірі вокатив належить до іменниково-відмінкової системи, підтвердженням чого постає наявність флексійного маркування, що, з одного боку, посилює його статус, а з другого, – дещо послаблює. Посиленням його флексійного вияву є флексійне поле, що охоплює *-у (-ю)* (*батьку, батеньку, братику, діду, дідуся, сину, синочку, тату, таточку, татуню*), *-е (-є)* (*брате, куме, отче, свате* та ін.

У вокативі множини іменники першої відміни мають форму, однакову (омонімійну) з називним: *баби, дочки, жінки, гривні, дуеньї, відмінниці*, формальний показник якої є максимально слабким у загальній відмінковій системі, пор., наприклад, у назв істот: Н. в. :: Кл. в. – конвергенція; Н. в. :: Р. в. – дивергенція; Н. в. :: Д. в. – дивергенція; Н. в. :: Зн. в. – дивергенція; Н. в. :: Ор. в. – дивергенція; Н. в. :: М. в. – дивергенція; Р. в. :: Зн. в. – конвергенція; Р. в. :: Д. в. – дивергенція; Р. в. :: Ор. в. – дивергенція; Р. в. :: М. в. – дивергенція, де чотири форми мають конвергентні відношення, а шістьнадцять – дивергентні. Останнє підтверджує домінування дистинктивних тенденцій у внутрішньо-відмінковій системі з точковими реалізаціями конвергентних відношень.

Іменники другої відміни в кличному відмінку закінчуються на *-у (-ю), -е(-є)*, з поміж яких закінчення *-у* мають іменники твердої групи (зокрема із суфіксами *-ик, -ок, -к(о)*), іншомовні імена з основою на *г, к, х* і деякі іменники мішаної групи з основою на шиплячий приголосний (крім *ж*). Ситуація флексійної варіантності мотивована силовим полем опозиції форм вокатива щодо називного, з одного боку, та послабленням опозиції до загальної парадимально-відмінкової множини: *-у(-ю)* – давальний, місцевий + кличний (пор. загальне тло: *нульова флексія ↔ -а(я) ↔ -у(-ю) ↔ -а(-я) ↔ -ем ↔ -у(-ю) /-еві -і ↔ -у(ю)*), де наявні конвергентні (Р. в. :: Зн. в.), напівконвергентні (Д. в. :: Кл. в.) реалізації та дивергентні (Н. в. :: Кл. в.; Н. в. :: Ор. в.; Н. в. :: М. в.; Р. в. :: Д. в.; Р. в. :: Ор. в.; Р. в. :: М. в.; Р. в. :: Кл. в.), навідвергентний (Д. в. :: Кл. в.) опозиції, тобто спостережувано в однині одну конвергенцію, одну – напівконвергенцію, сім – дивергенцій та одну напівдивергенцію. У своєму загалі така реалізація підтверджує послаблення силового поля флексії й утворення точкових виявів її редукування.

Форма вокатива з флексією *-е(-є)* постає повно опозиційною у внутрішньо-відмінковій множині (Н. в. :: Кл. в.; Р. в. :: Кл. в.; Д. в. :: Кл. в.; Зн. в. :: Кл. в.; Ор. в. :: Кл. в.; М. в. :: Кл. в.). У сучасному граматичному ладі простежуване послаблення функційного статусу флексії *-е(-є)* у вокатива через формування узусних реалізацій форм на зразок *бовдуру* (↔ *бовдуре*), *болгарину* (↔ *болгарине*), *свату* (↔ *свате*), *світу* (↔ *світе*), *татарину* (*татарине*), *цигану* (↔ *цигане*), *чорту* (↔ *чорте*), *шурина* (↔ *шурине*).

У семантико-синтаксичному вимірі вокатив охоплює основні три функції, з-поміж яких розмежовують: а) первинну функцію адресата – потенційного суб'єкта дії, де форма заповнює синтаксичну позицію підмета: *Лугом іду, коня веду – Розвивайся, луже! Сватай мене, козаченько, Люблю тебе дуже!* (Нар. пісня). Форма кличного корелює корелює з формою 2-ої особи однини наказового способу дієслова, тому може кваліфікуватися як підмет. У цьому разі між підметом і присудком реалізується особлива форма предикативного синтаксичного зв'язку – *співвідношення*. Форми імператива і кличного відмінка виражають волітвну функцію. Вторинною семантико-синтаксичною функцією є функція семантично акцентованого адресата з нейтралізованою первинною функцією активно-потенційного суб'єкта дії. Така форма реалізує формально-граматичну функцію другорядного члена речення (детермінанта в семантико-синтаксичній структурі речення): *Так ось у чому річ, товаришу. Група місцевої української інтелігенції просить дозволити їй видавати безпартійний журнал. Український, розуміється* (Б. Антоненко-Давидович); *Мед налитий у борті по край, весно, ранок із мряк розплітай і вільх зелені коси!* (Б.-І. Антонич).

Вторинна семантико-синтаксична функція ідентифікації реалізована вокативом у позиції опосередкованого другорядного члена речення: – *Ти підміняєш поняття, сину мій, – застеріг його превелебний отець* (О. Авраменко, В. Авраменко).

У функційно-комунікативному вимірі вокатив належить до ядра реалізації апелятивної функції, утворюючи спільно з формами наказового способу дієслова особливий різновид синтаксичних утворень. Вони реалізують особливий різновид синтаксичних моделей із чітко вираженими інтенційними настановами.

Український вокатив у сучасному граматичному ладі, постаючи повненою у своїх правах морфологічною формою, є одним із найбільш функційно закріплених форм і позиційно, й семантично, й комунікативно. У формально-граматичному плані вокатив має розгалужений флексійний вияв із послідовно вираженим конвергентно й дивергентно опозитивним статусом. У семантико-синтаксичному вимірі ядерна первинна функція потенційного суб'єкта вокатива найпослідовніше співвіднесена зі структурним типом речення. Вторинні семантико-синтаксичні ідентифікації й адресатності корелюють із первинною, витворюючи власну площину реалізації. Український вокатив постає комунікативно закріплений, витворюючи ядро апелятивної функційної настанови.

Неглагольная сочетаемость в словенском языке

ANDREJA ŽELE

Univerza v Ljubljani

andreja.zele@ff.uni-lj.si

В статье будут представлены и прокомментированы возможные словарные критерии неглагольной сочетаемости в словенском языке. В словаре будет представлена сочетаемость прилагательных и существительных, в которых более не отражена непосредственная глагольная мотивировка.

Таким образом из сферы рассмотрения будет исключена сочетаемость отглагольных существительных и прилагательных; внимание будет обращено лишь на те примеры, в которых при отходе от глагольной мотивировки изменилась и сочетаемость, напр.:

vstopnica za koncert – билет на концерт (← *vstopiti na koncert* – войти на концерт), *bojazen pred* – страх чего (← *bati se za* – бояться за). Предметом рассмотрения будет сочетаемость неотглагольных существительных и прилагательных, к этой группе относим также существительные и прилагательные, в выражении семантической направленности которых глаголы не имеют или же не имеют более непосредственного влияния. Сюда же относятся и заимствованные слова, типа *afeta* – афера, *aparat* – аппарат, устройство, *formula* – формула, *ramflet* – памфлет в: *afeta z orožjem* – афера с оружием, *aparat za gašenje* – аппарат, устройство для гашения, *formula za uspeh* – формула успеха, *ramflet proti voditeljem* – памфлет на руководителей и т. п.

В случае неглагольной сочетаемости можно говорить о прилагательных и существительных, значения которых не имеют или со временем потеряли непосредственную глагольную мотивировку. Таким образом в случае неглагольной сочетаемости речь идет о семантической возможности слов **ВВОДИТЬ** отношения (в отличии от свободной сочетаемости, которая выражает возможность **существования** отношения).

Для этих прилагательных и существительных характерно то, что 1) их значение включает относительный семантический компонент, который позволяет вводить или устанавливать дальнейшие отношения с другими элементами и 2) зачастую имеют широкое семантическое поле, открывающее

новые семантические возможности, а значит и новые возможности сочетаемости. Мы имеем дело со своего рода динамическим состоянием, имеющим свойства валентности.

Относительные семантические свойства, которые как относительные семантические компоненты могут быть включены в прилагательные и существительные, выражают относительные (сравнительные), компонентные, пространственные (/не/направление), временные и причинные отношения. Поэтому эти относительные прилагательные и существительные могут в речи семантико-синтаксически заменять также глаголы, напр.: *dober do vseh* – *добр ко всем*, *beseda o pravicah* – *слово о правах*, *denar za hrano* – *деньги на еду*, *sepa za avto* – *цена за машину*, *pot na Triglav* – *дорога на Триглав*, *korak do sreče* – *шаг до счастья*, *glas glede razmer* – *голос (речь) об отношениях* и т. п.

Потенциальная сочетаемость относительных прилагательных и существительных такого рода выражается в их использовании в сказуемом, где их значение ограничивается определенным состоянием, относительным свойством, деятельностью; возможность выражения интенсивности, т. е. степени или деятельности подчеркивает также наклонения или оценку.

Таким образом относительное семантико-синтаксическое свойство прилагательного или существительного, как и широкое семантический диапазон использования отдельной лексемы раскрывает также (более широкие) возможности свободно-морфемного употребления, напр.: *biti dober za* – *быть хороши для*, *biti gluha za* – *быть глух к*, *biti človek za akcijo* – *быть человеком дела*. Любое отношение состояния, деятельности или любого качества/свойства могут выражаться 1) целостно или нецелостно, т. е. ограниченная оценка в рамках одно денотата, напр.: *lesen v stikih* – *неуклюжий при установлении контактов* или 2) оценка между денотатами по намерению, цели, степени, ситуации, положению, напр.: *meden z mediji* – *медовый со СМИ*, *štor pri dekletih* – *пень в отношениях с девушками* и т. п.

Литература:

- Fran = Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: www.fran.si (23. 10. 2018).
- Gigafida = Korpus Gigafida. URL: <http://www.gigafida.net/> (23. 10. 2018).
- Helbig, G., Schenkel, W. (1969). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Morciniec, N. idr., (1995). *Słownik walencyjny czasowników niemieckich i polskich*. Wrocław.

- Sommerfeldt, K.E., Schreiber, H. (1974). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution Deutscher Adjektive* Publisher: Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Sommerfeldt, K.E., Schreiber, H. (¹1977), (²1980). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
- Svozilová, N., Prouzová, H., Jirsová, A. (2005). *Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb a spojení*. Praha: ACADEMIA.
- Toporišič, J. (2000). *Slovenska slovnica*. Četrta prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja.
- Žele, A. (2001). *Tipologija pridevniške vezljivosti*. „Jezikoslovni zapiski” 7, št. 1–2. 163–195.
- Žele, A. (2003). *Glagolska vezljivost : iz teorije v slovar*. Zbirka Linguistica et philologica. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Žele, A. (2008). *Vezljivostni slovar slovenskih glagolov*. Zbirka Slovarji. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

ISBN: 978-83-950682-0-1

9 788395 068201